

ЮРИЙ АДАМЕНКО

САМОУЧИТЕЛЬ РАЗВЕДЧИКА

КНИГА ПЕРВАЯ

ДЕЛО О ПРОПАВШЕМ ГНОМЕ

Юрий Адаменко
Самоучитель разведчика.
Книга первая. Дело
о пропавшем гноме

*<https://litres.ru/74106466>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Добро пожаловать в Эйвон-Сити, где магия соседствует с бюрократией, а старые свитки разведчиков никого не интересуют. Кроме Рекса Донована.

Рекс — частный детектив с лицензией на ловлю беглых магических животных, который свято верит, что он «последний настоящий разведчик». Его спасатель — помощник Финн Блейк, молодой парень с даром видеть магию и неиссякаемым терпением.

Когда в офис врывается бородатая гномка и нанимает их найти пропавшего мужа-инженера, парочка ввязывается в расследование, где всё идёт не по плану. Следы в мастерской светятся неправильным цветом, Гильдия Инженеров откровенно врёт, а частная охранная корпорация во главе с древним вампиром явно что-то скрывает.

Смогут ли двое неудачников раскрыть заговор века, пока их не уничтожили и не арестовали? Узнайте в первой книге серии «Самоучитель разведчика». Это ироничное фэнтези с атмосферой нуара, магическим детективом и героями, за которых хочется болеть.

Юрий Адаменко

Самоучитель разведчика.

Книга первая. Дело о пропавшем гноме

1
1

Офис «Донован & Ко» располагался на втором этаже старого дома из серого камня, который когда-то был складом, потом — ночлежкой для гномов шахтёров, а теперь сдавался по цене, доступной только человеку, который свято верил, что грядущий контракт с мэрией вот-вот всё изменит. Дом стоял на самой границе Нижнего берега, где кварталы гномов и человеческая беднота перемешивались в вечном компромиссе между дешёвизной и безопасностью. Из окон офиса открывался великолепный вид на мусорный бак, переполненный так, что его содержимое напоминало скульптуру современного искусства, и на вывеску кофейни «У Грей», которая светилась тусклыми рунами, потому что Миссис Грей считала, что яркий свет портит настроение.

Внутри офис выглядел именно так, как и должен выглядеть офис частного детектива, который считал себя послед-

ним настоящим разведчиком в городе, где шпионские свитки уже лет пятьсот как пылились в архивах, уступая место дешёвой магии и гильдейской бюрократии. Кожаное кресло, стоявшее у стола, помнило лучшие времена – тогда оно было чёрным, гладким и, вероятно, принадлежало какому-нибудь важному чиновнику. Теперь его цвет можно было описать как «чёрный с проблесками серого и неизвестно чем ещё», а на правом подлокотнике зияла дыра, из которой лезла набивка, напоминающая старую вату, смешанную с чем-то, что лучше было не рассматривать. В этом кресле, закинув ноги на стол, восседал Рекс Донован – мужчина тридцати семи лет, чья квадратная челюсть и кожаная куртка должны были внушать доверие, но почему-то внушали желание проверить, нет ли у него на поясе фальшивого пистолета.

– Шестой параграф, – сказал Рекс голосом, который он репетировал перед зеркалом каждое утро, полагая, что он звучит таинственно и властно. На самом деле он звучал как человек, который только что проглотил горячий кофе и пытается скрыть ожог. – Разведчик всегда узнаёт новости первыми, даже если для этого нужно спать на работе. Записал?

За маленьким столом, заваленным блокнотами, рунами, банками из-под кофе, обрывками чертежей и непонятными металлическими деталями, сидел Финн Блейк – молодой человек двадцати одного года, который выглядел на семнадцать и чувствовал себя на сорок. Рыжеватые волосы вечно падали на лоб, веснушки на бледном лице делали его похо-

жим на ученика чародея, который забыл вовремя сдать экзамен по основам магии. На самом деле он знал о магии больше, чем большинство членов Гильдии Алхимиков, но предпочитал не распространяться, потому что громкие заявления оставлял своему работодателю. Сейчас он держал в руке огрызок карандаша, а перед ним лежал потрёпанный блокнот в кожаном переплёте, куда он записывал всё, что диктовал Рекс, и всё, что происходило на самом деле.

– Записал, босс, – ответил Финн ровным голосом, и его карандаш забегал по бумаге. Однако пальцы его привычно, почти на автомате, вывели на полях другую фразу, помеченную мелким шрифтом и заключённую в аккуратные скобки: *(На самом деле новости нам приносят курьеры-гоблины, потому что мы сидим в кофейне Миссис Грей и тратим время на разговоры, а единственный способ узнать что-то первым – это выйти на улицу и спросить, но босс считает, что это ниже достоинства разведчика).*

Рекс удовлетворённо кивнул, хотя ничего, кроме собственного голоса, слышать не желал. Он поднялся из кресла, при этом его ноги соскользнули со стола, и он едва не упал, но устоял, сделав вид, что так и задумано. Подойдя к окну, он упёрся руками в подоконник и уставился на мусорный бак с таким видом, будто высматривал вражеского лазутчика. Пыль на стекле придавала его лицу мечтательное выражение, а может быть, это было просто отражение его собственного воображения, которое всегда рисовало карти-

ны гораздо более героические, чем реальность.

– Финн, – произнёс он, не оборачиваясь, голосом, полным пафоса, – я чувствую, что скоро наше агентство станет самым известным в городе. Не сегодня, не завтра, но скоро. Я – последний настоящий разведчик. Не эти маги, которые решают всё с помощью дешёвых иллюзий, и не гильдейские чинуши, которые продают информацию тому, кто больше заплатит. Настоящий разведчик работает по старым свиткам. По классике.

Финн поднял бровь, но ничего не сказал. Он уже давно усвоил, что спорить с Рексом, когда тот впадал в пафосное настроение, было примерно так же полезно, как пытаться убедить гнома побриться. Вместо этого он аккуратно перевернул страницу блокнота и начал набрасывать схему рунного замка, который видел вчера на дверях Гильдии Алхимиков. Ему нравилось разбираться в том, как работают вещи, особенно когда эти вещи были сделаны неправильно и требовали починки. Рекс, к счастью, не обращал внимания на его молчание – он воспринимал его как знак согласия.

– Вот увидишь, – продолжал Рекс, поворачиваясь к Финну и опираясь спиной на подоконник, так что пыль с его куртки осыпалась на пол, образуя маленькое серое облачко. – К нам придут клиенты. Важные клиенты. Не всякие там пропавшие коты и мелкие кражи, а настоящие дела. Шпионаж. Заговоры. Тайные общества. – Он сделал паузу, чтобы эффектно обвести рукой офис. – И тогда все узнают, что Донован – это

не просто фамилия, это бренд.

Финн записал в блокноте: *«Босс считает, что скоро к нам придут важные клиенты. Пока за последний месяц было три заказа: поиск потерявшегося голема (нашёлся в канализации, потому что забыл код от дома), слежка за подозрительным эльфом (эльф оказался коллекционером бабочек и никого не шпионил) и консультация по поводу привидения в подвале (привидение оказалось старым котом, который застрял в магическом пылесосе)»*.

Вслух он сказал только:

– Конечно, босс.

Рекс, услышав это «конечно», расцвёл. Он подошёл к стене, где висела нарисованная от руки карта Эйвон-Сити, испещрённая пометками «опасные кварталы», «нейтральные зоны», «тут хорошая выпечка» и, в одном месте, «здесь живёт бывшая, лучше не ходить». Он ткнул пальцем в центр Нижнего берега:

– Вот здесь, – сказал он торжественно, – начнётся наша слава. Я чувствую это нутром.

Финн подумал, что нутром Рекса, судя по звукам, которые иногда доносились из его желудка, руководили в основном кофе и вчерашние пирожки от Миссис Грей, но вслух опять ничего не сказал. Вместо этого он достал из ящика стола потрепанный экземпляр «Самоучителя разведчика» – книги, которую Рекс написал сам, переплел в кожу и теперь носил с собой как священный текст. На самом деле это был сборник

выдуманых правил, переписанных из старых свитков, которые Рекс нашёл на блошином рынке, и щедро приправленных его собственными фантазиями. Финн иногда открывал эту книгу, чтобы понять, какую очередную глупость его босс собирается совершить, и подготовиться к последствиям.

– Шестой параграф, – повторил Рекс, возвращаясь в кресло и снова закидывая ноги на стол. – Это важно. Разведчик должен быть в курсе всего. Если ты спишь на работе, ты всё равно слышишь разговоры. Это называется профессиональная паранойя.

– Я записал, – сказал Финн, и в его блокноте появилась очередная пометка: *«Босс утверждает, что сон на работе повышает осведомлённость. На самом деле он просто не высыпается, потому что по ночам читает старые свитки и думает, что это подготовка разведчика».*

Рекс вздохнул, полной грудью, как человек, который только что завершил важную лекцию для неблагодарного ученика. Он посмотрел на окно, за которым уже разгорался день, и сказал:

– Ладно, хватит теории. Пора переходить к практике. Как там наши дела?

Финн полистал блокнот, нашёл список текущих заказов и с абсолютно невозмутимым видом произнёс:

– Никак, босс. Клиентов нет.

Рекс поморщился, как будто услышал нечто неприличное.

– Нет клиентов? Не может быть. Я же чувствовал, что се-

годня что-то начнётся.

Финн хотел сказать, что Рекс «чувствует, что сегодня что-то начнётся» каждое утро, и обычно этим «чем-то» оказывалась либо скидка на кофе у Миссис Грей, либо очередной конфликт с капитаном Хейлом, но вместо этого он просто пожал плечами:

– Может быть, они придут позже.

Рекс энергично кивнул, словно это было лучшим из возможных предсказаний.

– Конечно, придут. Разведчик не ждёт клиентов – клиенты ждут разведчика. Просто они ещё не знают, что ждут нас. – Он встал, поправил воротник куртки и бросил взгляд на потолок, где разводы сырости образовывали причудливый узор, напоминающий карту звёздного неба. – Финн, запиши это как седьмой параграф: разведчик всегда на шаг впереди, даже когда кажется, что он стоит на месте.

Финн послушно вывел в блокноте: *«Седьмой параграф: разведчик всегда на шаг впереди, даже когда кажется, что он стоит на месте. Расшифровка: босс не знает, что делать, но делает вид, что это стратегия».*

В этот момент где-то на улице раздался крик, звон разбитого стекла и громкая ругань на гномьем языке. Рекс мгновенно насторожился, его глаза загорелись.

– Слышишь? – прошептал он. – Это знак. Первая новость. Разведчик должен её перехватить.

Он ринулся к двери, поправляя на поясе сумку с гаджета-

ми, которые, по его мнению, были верхом разведческой техники, а на самом деле представляли собой набор дешёвых рунных поделок с блошиного рынка. Финн вздохнул, аккуратно закрыл блокнот, убрал карандаш в карман и последовал за ним, мысленно готовясь к тому, что очередное «знамение» обернётся очередным конфузом, который ему придётся разгребать.

На лестнице Рекс обернулся и сказал:

– Финн, сегодня наш день. Я чувствую.

Финн подумал, что чувства Рекса – это та же лотерея, где выигрыш выпадает раз на десять попыток, но вместо этого произнёс:

– Как скажете, босс.

Рекс вылетел на улицу с такой скоростью, будто за ним гналась вся Гильдия Ассасинов, а Финн едва поспевал, придерживая сумку, чтобы из неё не вывалились руны и банки с остаточным магическим порошком. У мусорного бака, в котором этим утром копались трое гоблинов, уже собиралась небольшая толпа: гном-булочник с заляпанным мукой фартуком, эльфийка в длинном плаще, которая делала вид, что не интересуется, но на самом деле вытянула шею, и пара человеческих детей, которые визжали от восторга. Гоблины, увидев приближающегося Рекса с его решительным лицом и кожаной курткой, мгновенно потеряли интерес к мусору и растворились в переулке с такой скоростью, что даже Финн

не успел заметить, в какую сторону они побежали.

– Стоять! – крикнул Рекс, но гоблины уже исчезли. Он остановился, уперев руки в бока, и оглядел место происшествия. – Ну и где здесь новость?

Гном-булочник пожал плечами и ушёл в свою лавку, бормоча что-то про «понаехавших сыщиков». Эльфийка скользнула взглядом по Рексу, оценила его куртку, и тихо фыркнула. Дети разбежались.

– Они просто дрались из-за обедков, босс, – сказал Финн, подходя. – Вчера Миссис Грей выбросила просроченные пирожки. Это не заговор.

Рекс постоял ещё минуту, глядя на мусорный бак с выражением человека, который только что потерял миллионную сделку. Потом вздохнул, развернулся и зашагал обратно.

– Ложная тревога, – объявил он, поднимаясь по лестнице. – Но это тренировка. Разведчик должен быть готов к любым неожиданностям. Запиши это, Финн.

Финн, который уже открыл блокнот, написал: *«Босс принял драку гоблинов за шпионскую операцию. Пирожки с капустой оказались важнее, чем я думал»*, послушно добавил новую запись: *«Разведчик должен быть готов к любым неожиданностям, включая гоблинов, которые делят чужой мусор»*.

Они вернулись в офис. Рекс рухнул в кресло, отчего из дыры на подлокотнике вылетело облачко пыли, и уставился в потолок. Финн сел за свой стол, достал рунной пылесбор-

ник (небольшое устройство, которое он собрал сам, чтобы чистить остаточную ману после особенно шумных клиентов) и принялся наводить порядок на рабочем месте, потому что делать больше всё равно было нечего.

– Финн, – сказал Рекс после долгого молчания, – ты веришь в судьбу?

– Я верю в улики, босс.

– А я верю, что сегодня что-то произойдёт. – Рекс поднял руку, как будто останавливая поток невидимых аргументов. – Не просто так мы проснулись, не просто так вышли на улицу, не просто так эти гоблины... – он запнулся, поняв, что обосновать связь между гоблинами и судьбой не может, и закончил: – Короче, я чувствую.

Финн открыл было рот, чтобы сказать, что чувства – это ненадёжный инструмент, особенно когда они основаны на непереваренных пирожках, но в этот момент в дверь постучали.

Стук был негромким, но решительным. Три удара, пауза, ещё два. Рекс мгновенно выпрямился, сбросил ноги со стола, поправил воротник куртки и сделал лицо, которое, по его мнению, выражало одновременно таинственность и профессионализм. На самом деле оно выражало только то, что человек очень старается не выглядеть идиотом, но это было лучше, чем ничего.

– Войдите, – произнёс он голосом, которым, вероятно, встречал бы короля, если бы короли захаживали в контору

на границе Нижнего берега.

Дверь открылась, и в офис шагнула гномка.

Финн, который уже приготовился записывать очередную ложную тревогу, на мгновение замер. Гномка была невысокой, даже по меркам своей расы, но держалась с такой осанкой, что казалась выше. На ней был тёмно-серый плащ, из-под которого выглядывало скромное, но добротное платье, а на голове – траурный платок, завязанный так, чтобы не скрывать лица. И лицо это было... неожиданным. Потому что из-под платка, из-под плаща и из-под всего остального на свет выглядывала густая рыжая борода, заплетённая в аккуратные косицы, на концах которых поблёскивали маленькие медные заклёпки.

Гномка остановилась на пороге, оглядела офис – кресло с дырой, карту на стене, горы бумаг на столе Финна – и, судя по лёгкому кивку, осталась довольна тем, что здесь хотя бы не пахло дешёвым магическим дымом, как в большинстве контор такого рода.

– Доброе утро, – сказала она голосом низким и спокойным, без обычной для гномов металлической нотки. – Я ищу частного сыщика. Мне сказали, что здесь принимает человек по имени Донован.

Рекс вскочил с кресла так резко, что подлокотник жалобно скрипнул. Он одёрнул куртку, пригладил волосы (хотя они всё равно торчали во все стороны) и широким жестом указал на стул напротив стола, который на самом деле был

обычным табуретом, потому что второй нормальный стул сломался ещё в прошлом месяце, когда на него сел тролль-должник.

– Проходите, присаживайтесь. Я – Рекс Донован, глава агентства «Донован & Ко». Это мой помощник, Финн Блейк.

Финн приподнял руку в приветствии, но ничего не сказал, потому что уже заметил нечто, заставившее его насторожиться. На плече у гномки, на ткани плаща, была едва заметная пыльца – не простая уличная грязь, а мелкодисперсный магический осадок, какой остаётся после взрыва руны. Такие следы обычно не появляются на одежде, если только человек не был рядом с местом, где магия вышла из-под контроля. Финн мысленно отметил это, но решил пока не вмешиваться.

Гномка села на табурет, положила на колени небольшую сумку из плотной кожи и внимательно посмотрела на Рекса. Взгляд у неё был тяжёлый, оценивающий – такой бывает у людей, которые привыкли разбираться в механизмах и знают, что любая неточность может стоить дорого.

– Меня зовут Гримхильда Камнерез, – произнесла она. – Я жена Торина Камнереза, инженера Гильдии.

Рекс важно кивнул, достал из ящика стола блокнот и приготовился записывать. Он держал блокнот так, как держат все люди, которые редко пишут от руки, – под острым углом, почти вверх ногами.

– Камнерез, – повторил он, старательно выводя буквы. –

Торин Камнерез. Что случилось, уважаемая? Ваш муж... э-э... пропал?

Финн, сидевший за своим столом, краем глаза увидел, что блокнот в руках Рекса перевернут, и буквы, которые тот старательно выводил, располагались на странице вверх ногами. Он тихо, почти незаметно, протянул руку и, делая вид, что поправляет бумаги на столе, развернул блокнот правильной стороной. Рекс даже не заметил подмены – он смотрел на клиентку с выражением лица, которое, как ему казалось, внушало доверие.

Гримхильда тем временем заговорила. Голос её, спокойный сначала, начал наливаться металлом.

– Мой муж пропал пять дней назад. Он ушёл в свою мастерскую вечером и не вернулся. Я подождала до утра, потом пошла в Гильдию. Там мне сказали, что он уехал в долгую командировку, по срочному заданию. – Она сжала руки на сумке, и Финн заметил, как побелели костяшки. – Но это ложь.

– Почему вы так думаете? – спросил Рекс, старательно копируя интонации из старых шпионских свитков, где сыщики всегда задавали вопросы бесстрастным тоном. Получилось у него скорее как у человека, который пытается говорить, зажав в зубах карандаш.

– Потому что я была в его мастерской, – ответила Гримхильда. – Я не инженер, но я жена инженера двадцать лет. Я знаю, как выглядят его руны, когда он работает, и как вы-

глядят следы, когда что-то идёт не так. На стене, рядом с рабочим столом, я нашла три оплавившиеся руны. Они были вырезаны не его рукой. И они светились жёлтым, а не синим.

Финн, который до этого сидел с видом скучающего стажёра, вдруг выпрямился. Он бросил быстрый взгляд на Рекса, но тот, увлечённый собственной важностью, даже не заметил.

– Жёлтое свечение? – переспросил Рекс, записывая. – Это... это очень подозрительно.

– Это значит, что руны были наложены наспех, – пояснила Гримхильда, и в её голосе прорезалось нетерпение. – Любой гном вам скажет: правильная руна светится синим. Жёлтый цвет – это брак, ошибка, либо работа того, кто не знает техники. А Торин знает. Он лучший в своей области. Он не мог оставить такие следы.

Рекс поднял взгляд от блокнота и посмотрел на Гримхильду с выражением, которое он считал проницательным. На самом деле он просто прищурился, потому что свет из окна бил прямо в глаза, но клиентка, к счастью, не обратила на это внимания.

– Вы говорите, Гильдия утверждает, что он в командировке. А вы считаете, что его... похитили? Или что-то в этом роде?

Гримхильда молчала несколько секунд, потом произнесла:

– Я не знаю, что с ним случилось. Но я знаю, что он бы не

уехал добровольно, не предупредив меня. Мы вместе тридцать лет. Он никогда не уезжал, не сказав ни слова. А в последние недели он был... неспокоен. Говорил о каком-то проекте, о том, что не уверен, что хочет его заканчивать. Я спрашивала, но он отмахивался. – Она перевела дыхание. – А теперь он пропал, а Гильдия мне лжёт. Мне нужен кто-то, кто сможет узнать правду.

Рекс закрыл блокнот с таким видом, будто только что получил важнейшее задание от самого мэра. Он встал, оправил куртку и произнёс:

– Миссис Камнерез, вы пришли по адресу. Я берусь за ваше дело.

Гримхильда подняла бровь – или это Финн предположил, что она подняла бровь, потому что на лице гномки под густой бородой трудно было разобрать мимику.

– Я слышала, что вы не совсем... обычный сыщик, – сказала она осторожно.

– Именно, – подтвердил Рекс, не уловив подтекста. – Я – разведчик. Последний настоящий. И я найду вашего мужа быстрее, чем все гильдейские сыщики, вместе взятые. – Он сделал паузу для эффекта и добавил: – Разведчик не оставляет следов, но находит чужие.

Финн, который уже открыл блокнот, чтобы записать очередной перл, услышал, как Гримхильда тихо выдохнула – то ли с облегчением, то ли с сомнением. Он понимал её чувства. Сам он уже год работал с Рексом и до сих пор не мог

определить, гениальная ли это самоуверенность или просто гениальная глупость. Но одно он знал точно: если браться за дело, то браться всерьёз.

– Я хочу сразу сказать, – произнесла Гримхильда, поднимаясь с табурета, – что у меня не много денег. Гильдия заморозила счета Торина, пока он «в командировке». Но я могу заплатить...

Рекс величественно поднял руку.

– О деньгах потом. Сначала дело. Разведчик служит правде, а не золоту.

Финн чуть не поперхнулся, вспомнив, как в прошлом месяце Рекс три часа торговался с клиентом из-за пяти медяков, но удержался. Вместо этого он спросил у Гримхильды:

– Скажите, а вы ничего не заметили странного в мастерской, кроме этих рун? Может быть, пропали какие-то инструменты, чертежи?

Гримхильда посмотрела на Финна с уважением – видимо, потому что он задал дельный вопрос.

– Да, – ответила она. – Я плохо разбираюсь в чертежах, но я видела, что на столе не хватает нескольких листов. И ещё – Торин всегда держал в ящике стола свой личный блокнот с записями. Его тоже нет.

Финн кивнул, записывая. Рекс тем временем подошёл к карте на стене и ткнул пальцем в район гномьих кварталов.

– Мы начнём оттуда. С мастерской. Потом опросим соседей.

Гримхильда кивнула, достала из сумки маленький кошель и положила на стол несколько монет.

– Это задаток. Остальное – когда найдёте Торина. – Она помолчала, потом добавила: – Пожалуйста, найдите его. Он не просто мой муж. Он хороший человек. И он что-то знает, что-то, из-за чего его могли... убрать.

Рекс взял монеты, даже не взглянув на них, и сунул в карман куртки.

– Не волнуйтесь, миссис Камнерез. Мы найдём его живым и невредимым. Слово разведчика.

Гримхильда поднялась с табурета, поправила сумку на плече и направилась к двери. Рекс, который успел проникнуться важностью момента и теперь чувствовал себя настоящим героем старых свитков, вскочил с кресла и бросился открывать перед ней дверь с таким видом, будто провожал не жену пропавшего инженера, а королеву эльфов после подписания мирного договора. Он распахнул дверь, отступил на шаг и, желая проявить такт и участие, произнёс ту самую фразу, которая должна была, по его замыслу, успокоить клиентку и продемонстрировать его профессионализм.

– Не волнуйтесь, мадам, – сказал Рекс голосом, полным уверенности, которую он черпал из неиссякаемого источника собственного самомнения. – Для такого профессионала, как я, найти гнома в городе гномов – проще, чем... э-э...

Он запнулся, потому что сравнение, которое вертелось на

языке, было неудачным. «Проще, чем найти иголку в стоге сена» – это было слишком банально. «Проще, чем отличить гнома от тролля» – это могло прозвучать оскорбительно. Он лихорадочно перебирал варианты и наконец выпалил первое, что пришло в голову:

– ...чем найти гнома, – закончил он с торжествующим видом, решив, что повторить одно и то же слово – это стилистический приём, достойный великих ораторов.

Гримхильда замерла.

Она стояла в дверном проёме, спиной к выходу, и медленно, очень медленно повернулась. Её лицо, обрамлённое рыжей бородой, не выражало ровно ничего, но в этом безмолвии было столько напряжения, что Финн, сидевший за своим столом, инстинктивно съёжился и начал мысленно перебирать все известные ему способы экстренной эвакуации из помещений второго этажа. Рекс, к счастью, ничего не заметил. Он продолжал улыбаться той самой улыбкой, которая, по его мнению, должна была обезоружить любого клиента.

– Мадам? – переспросила Гримхильда ледяным тоном, который мог бы заморозить рунный двигатель в самый жаркий летний день.

В этом коротком слове, произнесённом низким голосом гномки, было столько всего: и оскорблённое достоинство, и вековые традиции, и неуважение к бороде, и то особое презрение, которое опытные жёны инженеров испытывают к мужчинам, которые думают, что они умнее всех. Рекс по-

чувствовал, что его улыбка начинает трескаться, как лёд на весеннем солнце.

– Э-э... – выдавил он, – я... я хотел сказать...

Он обернулся к Финну в поисках поддержки, но Финн уже закрыл лицо рукой. Вернее, он закрыл лицо обеими руками, потому что одной руки было недостаточно, чтобы скрыть весь тот ужас, который отражался на его веснушчатом лице. Сквозь пальцы было видно, как он трясётся – то ли от смеха, то ли от отчаяния, а скорее всего от того и другого одновременно.

Гримхильда поправила платок на голове – жест, который у гномов обычно означал, что собеседник находится на грани того, чтобы получить молотком по голове, и если он хочет жить, то должен немедленно что-то сделать.

– Господин Донован, – произнесла она с той же ледяной вежливостью, с какой механик объясняет ученику, почему тот только что сломал станок стоимостью в тысячу золотых, – позвольте мне прояснить один момент. У гномов женщины носят бороды. Это наша традиция, наша гордость и наша... – она сделала паузу, – неотъемлемая часть. И если бы вы, прежде чем браться за дело в гномьем квартале, удосужились прочитав хоть что-нибудь, кроме своих дурацких шпионских свитков, вы бы это знали.

Рекс открыл рот, чтобы что-то сказать, но Гримхильда подняла руку – и он закрыл рот обратно. Это был жест, которому научиться невозможно; им обладают только женщи-

ны, которые много лет живут с инженером и привыкли останавливать его, прежде чем он успеет сказать какую-нибудь глупость.

– Я нанимаю вас не для того, – продолжала она, и в голосе её зазвучал металл, похожий на звон клинка, – чтобы вы делали мне комплименты или оскорбления. Я нанимаю вас, чтобы вы нашли моего мужа. И если вы его найдёте, я заплачу. Если вы будете называть меня «мадам» в моём собственном квартале, где каждая женщина носит бороду с гордостью, – вы ничего не найдёте, потому что вас просто не станут слушать.

Она развернулась, и её плащ взметнулся, как крыло разгневанной птицы. Дверь хлопнула с такой силой, что со стены Финна слетела карта Эйвон-Сити и рухнула на пол, сложившись в гармошку. Несколько секунд в офисе стояла тишина, нарушаемая только шелестом бумаги и далёким гулом портовых гудков.

Рекс стоял посреди комнаты, всё ещё улыбаясь той застывшей улыбкой, которая теперь больше напоминала гримасу. Он медленно повернулся к Финну, который наконец убрал руки от лица и теперь смотрел на него с выражением, в котором смешалось сочувствие, усталость и то особое восхищение, которое испытываешь, глядя на человека, способного в одной короткой фразе оскорбить целую расу.

– Я знал, – произнёс Рекс, и голос его звучал так, будто он только что доказал теорему, над которой бился год. – Это

был тест. На стрессоустойчивость.

Финн медленно кивнул, потому что говорить что-то внятное в этот момент было выше его сил.

– Тест, – повторил он, скорее для себя, чем для босса. – Вы специально назвали гномку с бородой «мадам», чтобы проверить её реакцию.

– Именно, – сказал Рекс, и в его голосе снова зазвучала уверенность, которая, казалось, была уничтожена ледяным тоном Гримхильды, но на самом деле спала где-то глубоко внутри и ждала только повода, чтобы вылезти наружу. – Разведчик всегда должен знать, с кем имеет дело. Если бы она не возмутилась, это было бы подозрительно. А так – всё в порядке. Она настоящая.

– Вы сказали «мадам», – произнёс он вслух, – гному с бородой. Это было рискованно.

Рекс подошёл к своему креслу, сел, закинул ноги на стол и с видом человека, который только что совершил подвиг, достойный песен, ответил:

– Финн, я умею работать с разными расами. Это у меня в крови.

Финн хотел спросить, какая именно кровь отвечает за умение называть гномов «мадам» и оскорблять их традиции, но решил, что некоторые вопросы лучше оставить без ответа. Вместо этого он сказал:

– Босс, когда мы пойдём в гномий квартал, может быть, вы позволите мне говорить? Чтобы... ну... чтобы мы не оскор-

били никого ещё до того, как начнём расследование.

Рекс подумал, потом кивнул с видом человека, который делает одолжение.

– Хорошо. Но только в качестве исключения. Потому что разведчик должен уметь маскироваться. Если ты будешь говорить, а я – молчать, это сойдёт за... э-э... тактический манёвр.

– Именно, – согласился Финн. – Тактический манёвр.

– Ладно, – сказал Рекс, – я запомню. Не называть гномов «мадам». Что ещё?

– Ещё – не говорить, что найти гнома в городе гномов – это просто, – добавил Финн, и в его голосе впервые за утро проскользнула тень улыбки. – Потому что, когда мы его найдём, вы, возможно, захотите получить гонорар, а не очередную попытку убийства.

Рекс хотел возмутиться, но потом посмотрел на дверь, которую Гримхильда хлопнула с такой силой, что щеколда едва держалась, и решил, что в словах помощника есть доля истины.

– Хорошо, – сказал он, вставая и поправляя куртку. – Тогда ты будешь говорить. А я буду... наблюдать. Разведчик всегда наблюдает. Запиши это.

Финн записал: *«Разведчик иногда молчит, чтобы не провалить расследование. Это называется стратегическое наблюдение, а не признание собственной неправоты».*

Финн поднялся из-за своего стола и подошёл к вешалке, где висела его сумка — потёртая, выдавшая виды, но надёжная, как всё, что он делал своими руками. Сумка была сшита из толстой кожи, которую он выменял у старого гнома-кожевника за починку рунного обогревателя в мастерской, и внутри была разделена на отделения с такой тщательностью, что любой инженер позавидовал бы. Финн расстегнул застёжки, которые сам же и сконструировал — простые, но надёжные, без дурацких рун, которые могли взорваться в самый неподходящий момент, — и начал перебирать содержимое, проверяя, всё ли на месте и в порядке.

Первым на свет появился небольшой кожаный мешочек, туго затянутый шнурком. Финн развязал его, заглянул внутрь и удовлетворённо кивнул. Там был порошок для проявления магии — его собственного изготовления, не та дешёвая дрянь, которую продавали в лавках Гильдии Алхимиков по три серебряка за щепотку. Он делал его сам из толчёного кварца, настоящего на растворе серебра и высушенного особым способом, при котором кристаллы ложились ровными слоями и начинали светиться даже от слабого магического следа. В мешочке было граммов сто — достаточно, чтобы обработать небольшую комнату или проследить путь через пару кварталов. Финн затянул шнурок и отложил мешочек в сторону.

Следующим в очереди был деревянный ящичек с рунами. Финн открыл крышку, и взгляду открылись аккуратные ря-

ды небольших каменных пластинок, на каждой из которых была вырезана руна — чётко и глубоко, с соблюдением всех пропорций, которым его научил старый гном-наёмник, когда-то работавший в Гильдии Инженеров и согласившийся дать несколько уроков. Руны были разложены по назначению: защитные, осветительные, сигнальные и одна — специальная, для экстренной связи, которую он сделал на случай, если они с Рексом разлучатся в опасном месте. Правда, радиус действия у неё был всего квартал, и работала она только при ясной погоде, но Финн всё равно носил её с собой, потому что лучше иметь плохую связь, чем никакой.

— Финн, — донёсся голос Рекса от стола, — ты там не молчи. Я знаю, что ты сейчас записываешь в свой блокнот всякие гадости про меня.

— Я проверяю снаряжение, босс, — ответил Финн, не оборачиваясь. — Мы же идём в гномий квартал. Там может пригодиться магический анализ.

— А, ну да, — Рекс, видимо, решил, что разговор о деле поможет ему вернуть утраченное чувство собственной значимости. Он поднялся с кресла и подошёл к стене, где висела нарисованная от руки карта Эйвон-Сити — главный, как он считал, артефакт его деятельности. Карта была нарисована на плотной бумаге, выуженной из мусорного бака за типографией, и раскрашена акварелью, которую Миссис Грей отдала в уплату за то, что Рекс однажды помог ей прогнать из кофейни назойливого торговца амулетами. Качество ри-

сунка оставляло желать лучшего, но Рекс гордился картой так, будто сам обошёл каждый квартал и промерял каждый переулок.

На карте были обозначены не только улицы и площади, но и множество пометок, сделанных рукой Рекса и его каллиграфически неразборчивым почерком. В северной части Нижнего берега красовалась надпись: «ОПАСНЫЕ КВАРТАЛЫ! ТРОЛЛИ!», хотя на самом деле там жили вполне мирные тролли, которые работали грузчиками в порту и ни разу ни на кого не напали, если только их не провоцировать. В южной части, где располагались эльфийские особняки, было написано: «НЕЙТРАЛЬНЫЕ ЗОНЫ, НО ЛУЧШЕ НЕ СУВАТЬСЯ». Рядом с портом значилось: «ТУТ ХОРОШАЯ РЫБА», а на границе Верхнего берега, в районе, где Миссис Грей держала свою кофейню, было выведено с особой любовью: «ТУТ ХОРОШАЯ ВЫПЕЧКА».

Сейчас Рекс стоял перед картой, скрестив руки на груди, и рассматривал район гномьих кварталов, который был нанесён с особой тщательностью — после того, как первая попытка туда сунуться закончилась конфузом с бородой. Он провёл пальцем по извилистым линиям улиц, остановился на квадратике, обозначающем дом Торина, и глубокомысленно произнёс:

— Вот здесь. Здесь всё началось. И здесь мы найдём ответы.

Финн, который тем временем достал из сумки увеличи-

тельное стекло с магической подсветкой — ещё одно его собственное изобретение, сделанное из старой линзы и руны слабого света, — поднял голову и посмотрел на карту.

— Босс, вы даже не знаете, где именно находится мастерская. Клиентка сказала только адрес, а на карте он не обозначен.

— Разведчик чувствует, — отрезал Рекс, не оборачиваясь. — Это важнее точных координат.

Финн вздохнул и вернулся к проверке снаряжения. Увеличительное стекло он проверил на свет: руна внутри оправы светилась ровным голубоватым светом, линза была чистой, без царапин. Он сунул его в боковой карман сумки, чтобы было под рукой, и достал следующее — небольшой металлический цилиндр с рунным узором. Это был мана-детектор, устройство, которое он сконструировал, чтобы измерять уровень магического фона и находить источники аномальной энергии. Работало оно нестабильно — слишком много факторов влияло на точность, — но для грубой оценки было достаточно. Финн нажал кнопку на торце, детектор тихо пискнул, руны засветились зелёным, что означало «работает», и тут же погасли. Финн удовлетворённо кивнул и убрал его в отделение для сложных устройств.

— Ты знаешь, Финн, я всё думаю, — Рекс сделал шаг назад, но продолжал смотреть на карту с таким видом, будто она вот-вот заговорит с ним и сообщит координаты тайного логова врага. — Эта Гримхильда... Она что-то знает. Не

просто так она пришла именно к нам. В городе полно сыщиков, и подороже, и с лицензиями получше. Но она выбрала нас.

— Может быть, потому что мы дешевле, — предположил Финн, доставая из сумки небольшой свёрток с запасными батарейками для рунных устройств — самодельными кристаллами, которые он заряжал от городской магической сети раз в неделю.

— Не в деньгах дело, — Рекс наконец отошёл от карты и подошёл к своему столу, где поверх кипы старых бумаг лежал потрёпанный томик в кожаном переплёте. Он взял книгу в руки с той бережностью, с какой священники берут молитвенники, хотя на самом деле книге было уже всё равно — корешок был надорван, страницы выцвели, а некоторые были залиты кофе в те дни, когда Рекс читал её за завтраком, забывая о правилах обращения с литературой.

Это был «Самоучитель разведчика». Финн, который пару раз тайком листал «Самоучитель», обнаружил там множество удивительных вещей: как незаметно следовать за целью (совет: «надень шляпу, и тебя никто не узнает»), как допрашивать свидетелей («смотри в глаза и говори громко») и как выбираться из запертой комнаты («разведчик всегда носит с собой ломик, если нет — используй стул»). Некоторые советы были настолько абсурдны, что Финн даже начал подозревать, что Рекс сочинил их специально, чтобы проверять на нём, насколько далеко можно зайти в шпионском театре

абсурда.

Сейчас Рекс открыл книгу на первой странице, где крупными буквами было выведено: «ПАРАГРАФ ПЕРВЫЙ: РАЗВЕДЧИК ВСЕГДА ДОВЕРЯЕТ СВОЕМУ ЧУТЬЮ». Он прочёл это вслух, как будто открывал великую истину, до которой человечество не додумалось за всю свою историю. Голос его приобрёл ту самую торжественность, которую Финн уже научился распознавать как предвестник очередной гениальной, но невыполнимой идеи.

Финн, который как раз проверял запасные руны на целостность, тихо, почти шёпотом, пробормотал себе под нос: — И игнорирует факты.

Рекс, к счастью, не расслышал — или сделал вид, что не расслышал. Он захлопнул книгу, сунул её во внутренний карман куртки и начал собираться сам. Первым делом он натянул куртку — потёртую, с множеством карманов, в которых, по его мнению, хранились все необходимые разведчику приспособления. На самом деле в карманах обычно лежали огрызки карандашей, скомканные квитанции и иногда — засохшие пирожки, которые он забывал съесть. Но сегодня он решил подойти к делу серьёзно.

— Так, — сказал он, похлопывая себя по карманам, — что у нас есть? Первый карман — рунной жезл, универсальный. Отмычка, детектор лжи и фонарик — всё в одном.

Он достал жезл — небольшой металлический стержень с тремя рунами на корпусе, купленный у уличного торговца

на рынке. Торговец клялся, что жезл может открыть любую дверь, обезвредить любую ловушку и заодно сделать кофе. Рекс, разумеется, поверил, хотя Финн, взглянув на руны, понял, что они вырезаны неправильно, с нарушением пропорций, и жезл может либо взорваться, либо начать транслировать неприличные символы в самый неподходящий момент. Но Рекс носил его с гордостью, как символ своей готовности ко всему.

— Второй карман, — продолжал Рекс, засовывая жезл обратно, — ещё один рунный жезл. Запасной. Надёжность — прежде всего.

Второй жезл был куплен у того же торговца, но с рунами другого цвета, что, по мнению Рекса, делало его «специализированным». Финн мельком взглянул на него и мысленно пометил: этот может взорваться даже быстрее первого.

— Третий карман, — Рекс извлёк третий жезл, который отличался от первых двух только тем, что был чуть длиннее, — это особый. Для экстренных случаев. Продавец сказал, что он может ослепить врага или создать дымовую завесу.

— Или выпустить облако блёсток, — тихо сказал Финн, вспоминая, как в прошлый раз, когда Рекс решил проверить этот жезл в деле, из него вылетел сноп розовых искр, и они полчаса отмывали куртки от липкой пылицы.

— Не ворчи, — отмахнулся Рекс, засовывая жезлы обратно. — Разведчик должен быть готов ко всему. — Он похлопал по нагрудному карману, где лежала фляжка, и довольно

кивнул. — Кофе. Заварной, от Миссис Грей. Для поддержания боевого духа.

Финн, который уже закончил проверку своей сумки и теперь сидел, сложив руки на коленях, смотрел на эту подготовку с чувством, которое можно было назвать философским принятием неизбежного. Он знал, что из трёх жезлов ни один не будет работать так, как задумано, что кофе в фляжке, скорее всего, уже остыл, а куртка Рекса, несмотря на все её карманы, не защитит ни от дождя, ни от магического выброса. Но он также знал, что спорить с Рексом в такие моменты бесполезно, а иногда даже вредно — потому что чем больше он спорил, тем больше жезлов Рекс покупал на следующий день, чтобы доказать, что «настоящий разведчик должен иметь всё необходимое».

— Всё готово? — спросил Рекс, застёгивая последний карман и поправляя воротник. — Мы идём?

— Босс, — сказал Финн, — уже почти вечер. В гномий квартал лучше идти днём, когда все на работе. Вечером там начинаются посиделки в тавернах, и пришлые вызывают больше подозрений.

Рекс посмотрел в окно, где действительно уже начали сгущаться сумерки, и нехотя кивнул.

— Ладно. Завтра так завтра. — Он снова подошёл к карте и ткнул пальцем в гномий квартал. — Но запомни этот день, Финн. Сегодня мы получили дело, которое изменит нашу жизнь. Я чувствую, это пахнет большим заговором.

— Босс, я пойду домой, подготовлю карту маршрута. Вы тоже выпитесь. Завтра рано вставать.

Рекс кивнул, но продолжал стоять у карты, глядя на неё с таким видом, будто надеялся, что она заговорит и сама укажет ему путь к разгадке. Финн вышел из офиса, спустился по лестнице и оказался на улице, где уже зажигались первые рунные фонари.

Он остановился на мгновение, глядя на окна их офиса, где горел свет, и подумал о том, что, несмотря на все жезлы, которые взрываются, и все параграфы, которые противоречат здравому смыслу, у них есть работа, есть клиент, который в них поверил, и есть шанс сделать что-то настоящее. А всё остальное — это просто детали.

Финн улыбнулся, поправил лямку сумки и пошёл домой, мысленно прокладывая маршрут к дому Торина Камнереза, к его мастерской, к рунам, которые светились жёлтым, и к ответам, которые им предстояло найти в городе, где гномьи женщины носят бороды.

2

2

Утро встретило Эйвон-Сити серым, мокрым туманом, который поднимался из порта и полз по улицам Нижнего берега, обволакивая фонари, вывески и редких прохожих липкой влажной пеленой. Рекс и Финн сидели в кофейне «У Грей»

— заведении, которое было таким же неотъемлемым элементом их жизни, как дырявое кресло в офисе и вечные споры о том, что считать работой разведчика. Кофейня находилась прямо напротив их офиса, через улицу, и занимала первый этаж старого здания, где когда-то была кузница, потом склад магических ингредиентов, а теперь — место, где можно было выпить лучший кофе в округе, если, конечно, у тебя хватало терпения дождаться, пока его сварят.

Помещение было маленьким, но уютным, если уютом считать обилие странных предметов, развешанных по стенам. Там были медные чайники с отбитыми носиками, которые Миссис Грей почему-то отказывалась выбрасывать; старые рунные таблички, оставленные гномами в уплату за кофе; засушенные травы, которые, по слухам, троллиха использовала для своих секретных рецептов; и даже один големский глаз, который мигал зелёным светом каждый раз, когда открывалась дверь. Финн подозревал, что глаз был частью какой-то сигнальной системы, но Миссис Грей на вопросы отвечала только своим медленным: «Это... для... настроения».

Сейчас в кофейне было почти пусто: у стойки сидел старый гном, который каждое утро заказывал чёрный кофе без сахара и полчаса рассматривал газету, не переворачивая страниц, а в углу дремал тролль-грузчик, после ночной смены в порту. Рекс и Финн заняли свой обычный столик у окна, откуда был виден вход в их офис — на случай, если кто-то вздумает ограбить помещение, где не было ничего ценного,

кроме карты с пометкой «тут хорошая выпечка».

Рекс сидел, откинувшись на спинку стула, и нервно постукивал пальцами по столу. Он не выпался — всю ночь ворочался, прокручивая в голове вчерашний разговор с Гримхильдой и придумывая идеальные фразы, которые можно было бы сказать ей вместо «мадам». К утру он придумал двенадцать вариантов, но забыл одиннадцать, а двенадцатый был «уважаемая госпожа борода», что звучало ещё хуже.

— Где она? — спросил он, оглядывая пустой зал. — Мы уже десять минут ждём.

Финн, который сидел напротив, раскрыв блокнот и просматривая вчерашние записи, поднял голову.

— Босс, мы пришли на пять минут раньше. И она всегда готовит кофе сама. Это занимает время.

— Я знаю, — Рекс вздохнул и откинулся на спинку стула, — но у нас дело. Мы не можем сидеть здесь целый день, пока она будет перетирать каждую чашку по часу.

— Миссис Грей не перетирает чашки по часу. Она просто... делает это с душой.

— С геологической душой, — проворчал Рекс, но замолчал, потому что из подсобки наконец показалась Миссис Грей.

Она была огромной — под два с половиной метра ростом, с кожей цвета тёмного гранита, в которой кое-где проглядывали вкрапления слюды, сверкавшие при свете рунных ламп. Троллиха носила просторное платье из плотной ткани, пере-

хваченное фартуком, а её лицо, несмотря на массивные черты, всегда выражало спокойствие и добродушие. Волосы, собранные в тяжёлый пучок на затылке, были такого же серого оттенка, как и её кожа, и в них запутались несколько деревянных ложек — она вечно забывала, куда их кладёт.

В руках Миссис Грей держала поднос с двумя чашками кофе и тарелкой свежих пирожков. Она двигалась медленно, очень медленно, каждый шаг был размеренным и осторожным, словно она боялась расплескать напиток или нарушить хрупкое равновесие мира. Пол под её ногами слегка вибрировал, а старый гном у стойки, не поднимая головы от газеты, привычно подвинул свою чашку, чтобы она не упала.

— Доброе... утро, — произнесла Миссис Грей, ставя поднос на стол. Её голос был низким, глубоким, как каменоломня, и каждое слово она произносила с паузой, которую Рекс называл «геологической», имея в виду, что за это время можно успеть сложить несколько слоёв осадочных пород. — Кофе... с корицей... для Рекса. И... капучино... с сиропом... для Финна.

— Спасибо, Миссис Грей, — сказал Финн, принимая чашку. — Вы, как всегда, помните наши заказы.

Миссис Грей медленно кивнула, и её подбородок, массивный, как наковальня, едва заметно колыхнулся.

— Я... помню... всё. — Она перевела взгляд на Рекса, который уже схватил чашку и сделал глоток, обжигаясь, но не показывая вида. — Вы... сегодня... рано. Дело?

Рекс поставил чашку, промокнул губы салфеткой и, стараясь говорить спокойно, чтобы не выдать своего нетерпения, произнёс:

— Да, есть одно дело. Мы хотим спросить вас о Торине Камнерезе. Гноме, который живёт в квартале. Он пропал, и его жена нас наняла.

Миссис Грей замерла. Её лицо, обычно неподвижное, как каменная маска, слегка изменилось — брови чуть сдвинулись, в глазах появилось что-то похожее на озабоченность. Она медленно опустилась на стул напротив них, и стул жалобно скрипнул, но выдержал — Миссис Грей специально заказала его у гномов-кузнецов, когда поняла, что обычные стулья в её кофейне живут не больше недели.

— Торин... Камнерез, — повторила она, и в её голосе прозвучала печаль. — Хороший... гном. Платит... вовремя. Всегда... заказывал... двойной... эспрессо... с... корицей. И... иногда... пирожок... с мясом.

— Да-да, — Рекс нетерпеливо кивнул, — мы знаем. А что он делал в последний раз, когда вы его видели? Ну, перед тем как пропасть.

Миссис Грей медленно моргнула. Её веки опускались и поднимались с такой же скоростью, с какой растут сталакти-ты. Рекс, сидевший напротив, начал внутренне закипать. Он знал, что торопить троллей бесполезно — они реагируют на спешку ещё более замедленной речью, как будто назло. Но он ничего не мог с собой поделать. Каждая секунда ожида-

ния казалась ему украденной у расследования.

Финн, наблюдавший за этой сценой, тихо вздохнул и достал блокнот. Он уже давно привык к тому, что разговоры с Миссис Грей требуют терпения, которого у его босса никогда не было. Поэтому он просто приготовился записывать, зная, что рано или поздно троллиха выдаст нужную информацию, и она того стоит.

— Последний раз... — Миссис Грей подняла глаза к потолку, где висела связка сушёных трав, и задумалась. Пауза затянулась. Рекс уже открыл рот, чтобы что-то сказать, но Финн предупреждающе кашлянул.

— ...я его видела... пять дней назад, — наконец продолжила Миссис Грей, опуская взгляд на Рекса. — Вечером. Он... заходил... за кофе. Но... не пил. Взял... с собой. И... ушёл.

Рекс впился в неё взглядом, как будто пытался вытянуть информацию силой мысли.

— А что он делал? Как он выглядел? Нервничал? Спешил?

Миссис Грей снова задумалась. На этот раз пауза была ещё длиннее — она медленно взяла со стола салфетку, так же медленно сложила её пополам, потом ещё раз, потом положила на край стола, где салфетки обычно не лежали, потому что их место было в центре. Финн подумал, что это, наверное, какой-то троллий способ сосредоточиться. Рекс начал барабанить пальцами по столу.

— Он... нёс... ящик, — наконец сказала Миссис Грей, и её голос стал тише, как будто она сообщала тайну. — Небольшой... деревянный... с рунами. И... выглядел... нервным.

Рекс вскочил со стула так резко, что стул, не выдержав такого неуважения к его конструкции, жалобно скрипнул и едва не опрокинулся. Рекс, впрочем, этого даже не заметил. Его глаза горели огнём, который Финн уже научился распознавать как верный признак того, что босс сейчас скажет что-то громкое, пафосное и, скорее всего, не соответствующее реальности.

— Ящик с рунами! — воскликнул Рекс, воздевая указательный палец к потолку, где висела связка сушёных трав, которые, казалось, тоже вздрогнули от его голоса. — Это классическая улика! Я же говорил! Настоящий разведчик всегда чувствует след, даже когда его никто не видит!

Старый гном у стойки, который до этого момента мирно изучал газету, медленно поднял голову и посмотрел на Рекса с выражением, которое трудно было назвать иначе, чем «многозначительное неодобрение». Его брови, густые и косматые, сдвинулись к переносице, создавая на лице архитектурную композицию, достойную резьбы по камню. Он ничего не сказал — гномы вообще редко тратили слова на тех, кто не заслуживал их внимания, — но его взгляд говорил яснее всяких слов: «Человек, ты в моей кофейне, где я пью

кофе уже сорок лет, и если ты сейчас же не сядешь, я вспомню, что у меня в сумке лежит молоток, который я не точил с прошлого вторника».

Финн, который за годы работы с Рексом научился читать не только магические следы, но и эмоциональное состояние окружающих, заметил этот взгляд и мгновенно оценил уровень угрозы. Он протянул руку и мягко, но настойчиво потянул босса за рукав.

— Босс, — сказал он тихим, но твёрдым голосом, каким обычно успокаивают взбесившихся магических животных, — сядьте, пожалуйста. Миссис Грей ещё не закончила.

Рекс, который уже открыл рот, чтобы произнести ещё одну гениальную фразу о значении ящиков в работе разведчика, почувствовал на себе взгляд гнома и резко передумал. Он опустился на стул с таким видом, будто сделал это по собственной воле, а не потому, что ему пригрозили, и сложил руки на груди, стараясь выглядеть сосредоточенным и профессиональным. Его нога под столом, впрочем, продолжала отбивать нервную дробь.

Миссис Грей, которая всё это время стояла неподвижно, как скала, что, впрочем, было для неё естественным состоянием, дождалась, пока шум утихнет, и только потом продолжила. Она взяла со стола пустую чашку и начала медленно её протирать — жест, который Финн знал как признак того, что она обдумывает ответ. Тролли не любили спешки. Они жили в ритме, который люди считали невыносимо медленным, но

который позволял им замечать то, что другие упускали из-за вечной гонки.

— Финн, — обратилась она к нему, проигнорировав Рекса, который уже открыл рот, чтобы задать следующий вопрос, но вовремя захлопнул его, — ты... всегда... задаёшь... правильные... вопросы. Не то... что... некоторые.

Финн почувствовал, как его уши начинают краснеть. Комплименты от Миссис Грей были редки, как удачная находка в мусорном баке, и он не знал, как на них реагировать. Поэтому он просто кивнул и спросил:

— А что было необычного в ящике, Миссис Грей? Кроме того, что он был с рунами?

Миссис Грей задумалась. На этот раз пауза была ещё длиннее, чем прежде. Она смотрела в окно, за которым туман уже начал рассеиваться, открывая серые крыши и мокрые улицы Нижнего берега. Её глаза, тёмные, как глубинные озёра, казалось, видели что-то, недоступное обычному взгляду. Финн знал, что тролли обладают долговременной памятью, которая может хранить детали столетиями, но извлечение этих деталей требует времени — как извлечение ценных руд из глубоких шахт.

Минута тянулась медленно. Рекс, который сидел напротив, буквально кипел от нетерпения. Его пальцы барабанили по столу, сначала тихо, потом громче. Финн бросил на него предостерегающий взгляд, и стук стих — но только для того, чтобы перекинуться на ногу, которая под столом начала

отбивать чечётку.

— Руны... — наконец произнесла Миссис Грей, и её голос прозвучал тихо, почти шёпотом, как будто она рассказывала секрет, который не должен был услышать никто за пределами их столика. — Светились... неправильно.

Рекс, который до этого момента сдерживался из последних сил, подавил в себе желание выкрикнуть «Я же говорил!» и только крепче сжал руки на груди, так что костяшки побелели. Финн, напротив, подался вперёд, чувствуя, что сейчас прозвучит то самое, ради чего они сюда пришли.

— Неправильно? — переспросил он. — В каком смысле?

Миссис Грей медленно повернулась к нему, и в её глазах, обычно спокойных и невозмутимых, промелькнуло что-то, похожее на тревогу.

— Не... синим, — сказала она. — А... жёлтым.

Старый гном у стойки отложил газету и прислушался, хотя виду не подал. Рекс замер с открытым ртом, забыв, что хотел сказать. Финн медленно выдохнул, чувствуя, как в его голове начинают складываться кусочки пазла.

— Жёлтым, — повторил он, чтобы убедиться, что не ослышался. — Вы уверены?

— Я... видела... своими... глазами, — твёрдо ответила Миссис Грей. — Жёлтые... как... дешёвые... поделки... с рынка. И... они... светились... неровно. Мигали. Как будто... их... плохо... вырезали.

Рекс наконец обрёл дар речи. Он выдохнул с такой силой,

что прядь волос, упавшая на лоб, взлетела вверх и снова опустилась.

— Жёлтые руны, — сказал он, и в его голосе зазвучало то самое торжество, которое он пытался скрыть, но не мог. — Это уже не просто улика. Это ключ.

Финн, который привык не делать поспешных выводов, особенно когда речь шла о магии, тихо спросил:

— А вы не заметили, какие именно руны были на ящике? Они были похожи на гномьи? Или другие?

Миссис Грей снова задумалась, но на этот раз пауза была короче — видимо, она уже извлекла нужные воспоминания.

— Похожи... на гномьи, — сказала она. — Но... не... гномьи. Гномы... режут... глубоко. У них... линии... ровные. А эти... были... мелкими. И... неровными. Как будто... кто-то... видел... гномьи руны... но... не умел... их... повторять.

Финн кивнул, делая пометки в блокноте. Теперь картина становилась яснее: кто-то, не гном, пытался работать с рунами, возможно, подделать их или изменить. Жёлтое свечение — верный признак того, что техника была нарушена. В гномьей традиции руны должны светиться ровным синим светом, это показатель правильной резьбы, точной пропорции и верного вложения маны. Жёлтый цвет означал либо спешку, либо неопытность, либо и то, и другое вместе.

— Спасибо, Миссис Грей, — сказал Финн, закрывая блокнот и доставая кошель. — Вы нам очень помогли.

Он отсчитал монеты — за два кофе, за пирожки, которые они заказали, но так и не съели, и добавил сверху немного, как знак благодарности. Миссис Грей, увидев лишние монеты, покачала головой, но Финн жестом остановил её.

— За информацию, — сказал он. — Это важно.

Миссис Грей посмотрела на него долгим взглядом, потом медленно кивнула и спрятала монеты в карман фартука. Рекс, который всё это время сидел, кипя от нетерпения, наконец поднялся и, стараясь не смотреть в сторону гнома у стойки, направился к выходу. Финн последовал за ним, на ходу застёгивая сумку.

Они вышли на улицу, где туман почти рассеялся, обнажив мокрую брусчатку, грязные лужи и серое небо, которое обещало либо дождь, либо ещё один туман к вечеру. Рекс остановился прямо посреди тротуара, глубоко вдохнул влажный воздух и повернулся к Финну с видом человека, который только что раскрыл заговор века.

— Ты слышал? — спросил он, хотя Финн сидел в двух шагах от него и слышал каждое слово. — Жёлтые руны! Кто-то чужой пытался подделать гномью работу! Это уже не просто пропавший инженер. Это шпионаж!

Финн поднял голову и посмотрел на босса с выражением, которое можно было назвать «философская усталость».

— Босс, — сказал он, — или просто плохой ремонт. Может быть, Торин пытался починить что-то сам, но у него не было под рукой нужных инструментов, или он использовал

дешёвые руны с рынка.

Рекс посмотрел на него с таким видом, будто Финн только что предложил отказаться от расследования и пойти вязать носки.

— Плохой ремонт? — переспросил он с искренним недоумением. — Финн, подумай сам. Торин Камнерез — инженер Гильдии. Он лучший в своём деле. Он не будет использовать дешёвые руны, которые светятся жёлтым. Он скорее руку себе отрежет, чем сделает такую халтуру. Гномы — народ гордый. Особенно когда речь идёт об их работе.

Финн хотел возразить, но понял, что в этом Рекс прав. Гномы относились к своим рунам с такой же серьёзностью, с какой эльфы относились к своим стихам, а вампиры — к этикету. Сделать плохую руну для гнома было всё равно что опозорить свой род. Торин, о котором Гримхильда и Миссис Грей отзывались как о мастере высокого класса, не мог допустить такого брака.

— Хорошо, — сказал он. — Допустим, это не ремонт. Допустим, кто-то другой работал с рунами. Но зачем? И почему именно у Торины?

Рекс потер подбородок, принимая позу глубокой задумчивости, которая, как он считал, придавала ему сходство с великими сыщиками из старых свитков. На самом деле он просто выглядел как человек, который забыл, куда положил ключи.

— А вот это мы и выясним, — сказал он наконец. — Пой-

дём в мастерскую Торина. Посмотрим на эти жёлтые руны своими глазами. Может быть, они расскажут нам больше, чем слова.

Финн кивнул, хотя в душе сомневался, что жёлтые руны, о которых говорили Гримхильда и Миссис Грей, всё ещё можно будет найти в мастерской. Если там кто-то побывал после исчезновения Торина — а следы чужого присутствия, о которых говорила Гримхильда, указывали именно на это, — то улики могли быть уничтожены или подчищены.

— Босс, — сказал он, когда они двинулись в сторону гномьего квартала, — вы не думаете, что мы опоздали? Если в мастерской действительно кто-то был, он мог забрать или уничтожить все следы.

Рекс, который шагал впереди, размахивая руками и распугивая редких прохожих, обернулся и усмехнулся.

— Финн, — сказал он, — настоящий разведчик никогда не опаздывает. Он приходит вовремя. Или, если не успевает, создаёт новые улики.

— Это называется подлог, босс.

— Это называется творческий подход к расследованию.

Финн вздохнул и решил больше не спорить. В конце концов, у них был адрес, было направление и была зацепка. Возможно, этого было достаточно, чтобы начать. А возможно, они просто потратят день, бродя по кварталу гномов и выслушивая рассказы о том, как Торин Камнерез был хорошим гномом, платил вовремя и всегда заказывал двойной эспрес-

со с корицей.

Квартал гномов встретил их тишиной. Не такой, что бывает в вымерших местах, а особой, настороженной — когда каждый камень, кажется, знает, что здесь появился чужак, и ждёт, что он сделает не так. Узкие улочки, вымощенные тёмным камнем, вились между домами, которые стояли так тесно, что их стены почти смыкались над головой, оставляя лишь узкую полосу неба, где клочья тумана цеплялись за карнизы. Здесь не было вонючих портовых складов или дешёвого магического масла, зато была сырость старого камня, запах металла, въевшийся в стены за столетия, и едва уловимый, но постоянный гул — вибрация от бесчисленных рун, врезанных в фасады, мостовые, водостоки. Каждая руна светилась ровным синим светом, и этот свет, отражаясь от мокрой брусчатки, создавал иллюзию, что квартал живёт своей, невидимой человеческому глазу жизнью.

Рекс шагал впереди, расправив плечи и задрав подбородок, как человек, который не сомневается ни в своём праве быть здесь, ни в своей способности найти дорогу. Его кожаная куртка, такая уместная в портовых кабаках и на улицах Верхнего берега, здесь смотрелась инородным телом — слишком яркая, слишком шумная, слишком человеческая. Финн шёл следом, стараясь держаться ближе к стенам, чтобы не занимать лишнего места. Он уже бывал в гномьем квартале раньше, но всегда по делу, с конкретным адресом и кон-

кретным заказом, и никогда не чувствовал себя здесь своим. Гномы не любили, когда чужаки бродили по их улицам без приглашения, и давали это понять с той прямоотой, которая была частью их натуры.

Первые встречные — пожилая гномка с длинной седой бородой, заплетённой в косу, и двое гномов помоложе, которые тащили рунную тележку, гружённую металлическими прутьями — посмотрели на них с подозрением, но ничего не сказали. Гномка только поджала губы, поправила платок на голове и, пропустив их, пошла дальше, бросив через плечо короткую фразу на своём языке. Финн не разобрал слов, но тон был ясен: «Что этим людям здесь нужно?» Рекс, разумеется, не обратил на это внимания. Он шёл, сверяясь с адресом, который дала Гримхильда, и делал вид, что прекрасно ориентируется.

— Третий поворот направо, потом второй налево, — бормотал он себе под нос. — Классическая схема. В старых кварталах всегда так запутано, чтобы враг не мог найти дорогу.

— Или чтобы жители сами не терялись, — тихо сказал Финн. — Босс, вы уверены, что мы идём правильно? Мне кажется, мы уже два раза прошли мимо этого дома с красной дверью.

— Разведчик никогда не проходит мимо дважды, — парировал Рекс. — Он осматривает местность с разных ракурсов.

— Мы заблудились, да?

— Мы... корректируем маршрут. Это разные вещи.

Они свернули в очередной переулок, который оказался ещё уже предыдущего. Здесь солнце не появлялось, наверное, никогда — стены домов были покрыты мхом, а из водостоков свисали длинные пряди какой-то зелени, похожей на бороды. Руны на стенах здесь светились ярче, компенсируя недостаток естественного света, и в их сиянии лица прохожих казались высеченными из камня — бледными, неподвижными, с глубокими тенями под глазами.

Гном, чинивший водопроводный люк, был первым, кто нарушил молчаливое согласие не замечать чужаков. Он сидел на корточках у открытого люка, из которого поднимался пар, и возился с медными трубами, подсвечивая себе маленьким рунным фонариком. Его борода, густая и тёмная, была заправлена за пояс, чтобы не мешала, а на лбу блестели капельки пота — работа была не из лёгких. Услышав шаги, он поднял голову и уставился на Рекса с таким выражением, будто перед ним материализовался призрак, который забыл вовремя исчезнуть после Хэллоуина.

— Люди, — произнёс он, и в его голосе не было злобы, только ровное, спокойное удивление, какое бывает у человека, который нашёл в своём супе муху и теперь решает, вылавливать её или съесть вместе с бульоном. — Забрели в наши края, не заблудились?

Рекс, который как раз в этот момент пытался понять, куда они свернули не туда, мгновенно выпрямился, поправил

воротник куртки и принял тот самый вид, который он считал «лицом разведчика» — смесь таинственности, уверенности и лёгкого превосходства. На практике это выглядело так, будто человек проглотил несвежую устрицу, но не хочет в этом признаваться.

— Разведчик не может заблудиться, — произнёс он с достоинством, которое, казалось, должно было растопить любое сердце, даже вырезанное из гранита. — Он выбирает правильный маршрут.

Гном медленно моргнул. Его лицо, покрытое глубокими морщинами, которые могли рассказать историю этого квартала лучше любой книги, на мгновение застыло, а потом по нему скользнуло что-то, отдалённо напоминающее усмешку. Он хмыкнул — коротко, сухо, как щёлкнул затвором рунного замка — и вернулся к своим трубам.

— Выбирает, значит, — пробормотал он, не поднимая головы. — Ну-ну. Только смотрите, не выберите себе на голову. У нас тут камни падают иногда. Особенно на тех, кто долго стоит на одном месте.

Финн, который всё это время стоял чуть позади Рекса, стараясь не привлекать внимания, почувствовал, как его щёки заливают краска. Он знал, что гномы не любят, когда чужаки плутают по их улицам, но он также знал, что они редко выражают своё недовольство открыто — обычно ограничиваются такими вот колкостями, которые со стороны могут показаться шуткой, но на самом деле являются вежливой фор-

мой указания на дверь.

— Босс, — прошептал он, наклоняясь к уху Рекса, — может быть, спросим дорогу? Гномы уважают прямоту.

— Разведчик не спрашивает дорогу, — так же шёпотом, но с ноткой превосходства ответил Рекс. — Разведчик знает дорогу.

— Вы не знаете, куда мы идём, — сказал Финн, и в его голосе прозвучала та самая усталая нота, которая появлялась каждый раз, когда его босс начинал играть в героя старых свитков.

Рекс обернулся к нему, и на его лице появилось выражение оскорблённого достоинства.

— Я знаю, куда мы идём, — заявил он, и его голос прозвучал громче, чем следовало в узком переулке, где каждый звук многократно отражался от каменных стен. — Мы идём к дому Торина. К мастерской Камнереза. Это здесь, я точно помню.

Он сделал шаг вперёд, обогнул гнома с люком, который даже не поднял головы, и указал на дверь, которая виднелась в конце переулка, там, где улочка расширялась в небольшой тупик. Дверь была массивной, из тёмного дуба, окованной медными полосами, и над ней, на каменной арке, светилась рунная табличка, вырезанная с той тщательностью, которая отличает работу настоящего мастера. Руны были глубокими, прямыми, и светились они ровным, спокойным синим цветом, который говорил о том, что здесь живёт человек, знаю-

щий своё дело.

Табличка гласила: «Камнерез».

Финн остановился, глядя на эту дверь. Это было то самое место, куда они шли. Место, где Торин Камнерез работал над своим проектом. Место, где остались следы тех самых жёлтых рун, о которых говорили Гримхильда и Миссис Грей. Место, которое, возможно, хранило ответы на вопросы, с которых началось это дело.

— Видишь? — сказал Рекс, и в его голосе звучало торжество. — Я же говорил. Мы пришли.

Гном у люка поднял голову, посмотрел на дверь, потом на Рекса, и хмыкнул снова — на этот раз громче.

— Пришли, — повторил он, и в его голосе прозвучало что-то, похожее на одобрение. — Только вот хозяина всё равно нет. Уже который день. Гильдия говорит, в командировке. А жена говорит — пропал. — Он помолчал, вытирая руки ветошью. — Вы к ней, что ли? К Гримхильде?

— Мы частные сыщики, — сказал Рекс, выпрямляясь. — Её муж нас нанял. Вернее, она нас наняла. Чтобы мы нашли его.

Гном посмотрел на него долгим, изучающим взглядом, потом перевёл глаза на Финна, который стоял чуть позади с сумкой, полной артефактов, и блокнотом в руке.

— Частные сыщики, — повторил он, и его голос прозвучал нейтрально, без осуждения, но и без особого доверия. — Ну, удачи. Только осторожнее там. В мастерской этой...

не всё чисто.

Он поднялся, забрал свой фонарик, закрыл люк и, бросив последний взгляд на дверь с табличкой, направился дальше по своим делам, оставив Рекса и Финна наедине с домом Торина Камнереза.

Дом Торина Камнереза оказался именно таким, каким его описывала Гримхильда, — основательным, добротным, сложенным из тёмного камня, который, казалось, впитал в себя всю основательность и упрямство гномьей расы. Три этажа, с узкими, но глубокими окнами, которые сейчас были закрыты ставнями из такого же тёмного дуба, что и входная дверь. Над каждым окном светились руны — синие, правильные, гномьи, — они отбрасывали на мостовую мягкий голубоватый свет, который в сумерках делал квартал похожим на подводное царство. Первый этаж, как и сказала Гримхильда, был занят мастерской: об этом говорили широкие ворота для вноса тяжёлых деталей, труба, выходящая на улицу, и слабый запах металла и машинного масла, который вьёлся в камень так глубоко, что, наверное, не выветрился бы и через сто лет.

Рекс подошёл к двери вплотную, упёрся руками в косяк и попытался заглянуть в щель между ставнями, которые закрывали окно мастерской. Он прижался щекой к холодному камню, скосил глаза, надеясь разглядеть хоть что-то в темноте, но ставни были пригнаны слишком плотно — гномы

умели делать вещи, которые не пропускали ни света, ни воздуха, ни чужого любопытства.

— Ничего не видно, — констатировал он, отстраняясь и отряхивая куртку от каменной пыли, которая прилипла к рукавам. — Как в гробу. Или в сейфе. Гномы умеют закрываться, ничего не скажешь.

— Они умеют делать вещи, которые должны быть закрыты, — уточнил Финн, который уже опустился на корточки перед порогом и внимательно осматривал стык между дверью и каменной рамой. — Это часть их философии. Если что-то сделано правильно, оно не должно открываться от лёгкого дуновения.

— Или от взлома, — добавил Рекс, оглядывая улицу. — Ты только посмотри на этот замок. Три рунных засова, механическая защёлка и, кажется, ещё какая-то хитрость. Гильдия Инженеров не скупится на безопасность своих членов.

— Или Торин сам это сделал, — сказал Финн, проводя пальцами по едва заметным линиям рун, вырезанным на камне. — Это его работа. Глубокие линии, ровные углы, сильнее свечение. Он знал, что делает.

Финн замер, держа руку на расстоянии ладони от порога. Его пальцы чуть дрожали — он чувствовал то, что было скрыто от обычного зрения. Дар, который достался ему от далёких предков, позволял видеть остаточную ману там, где другие видели только камень и дерево. Сейчас, сосредоточившись, он ощущал, как над порогом клубится нечто

— невидимое, но осязаемое, как струйки пара над кипящим котлом. Он провёл рукой медленно, слева направо, и его пальцы наткнулись на невидимое препятствие — там, где чужая магия оставила свой след.

— Здесь кто-то был, — сказал он, и его голос прозвучал тише, чем обычно, как будто он боялся спугнуть то, что чувствовал. — Не Торин. Чужой. И этот чужой оставил следы. Много следов.

Рекс, который уже собирался предложить что-нибудь героическое, вроде выбивания двери плечом, присел рядом и устоялся на порог, хотя видел там только пыль и старую каменную кладку.

— Что ты чувствуешь? — спросил он, и в его голосе не было обычной самоуверенности — только живой, искренний интерес.

Финн закрыл глаза, чтобы лучше сосредоточиться. Картинка, которую он видел внутренним зрением, была смазанной: над порогом висело облако остаточной магии, похожее на грязный туман, который не рассеивался, а медленно вращался, цепляясь за каменные выступы. Цвет этого тумана был неправильным — каким-то мутным, желтовато-серым, как вода в луже после дождя, смешанная с машинным маслом.

— Это не магия гномов, — сказал он, открывая глаза. — И не эльфийская. Вообще не похоже ни на что, что я видел раньше. Она хаотичная, неровная, как будто её выпустили

не через руну, а просто... выплеснули. И она пахнет.

— Пахнет? — переспросил Рекс, принюхиваясь. — Я чувствую только камень и старую смазку.

— Не носом, — Финн покачал головой. — Даром. Она пахнет дешёвой магической подпиткой. Знаешь, той, что продают на рынке в больших банках с надписью «Универсальный усилитель»?

Рекс поморщился. Он сам однажды купил такую банку, надеясь зарядить свои рунные жезлы, и в результате полдня отмывал куртку от липкой субстанции, которая, как выяснилось, была не усилителем, а разбавленным клеем для рун.

— Дешёвка, значит, — сказал он, потирая подбородок. — Кто-то, у кого нет ни своего дара, ни хороших инструментов. Кто-то, кто пытается работать с магией, но не умеет. Или не хочет тратить деньги.

— Или кто-то, кто не хотел оставлять следов, которые можно было бы отследить, — добавил Финн. — Дешёвая магия быстро рассеивается и оставляет меньше отпечатков, чем профессиональная. Но этот... — он снова провёл рукой над порогом, — этот почему-то задержался. Как будто его было слишком много. Или как будто тот, кто его использовал, не знал, как правильно дозировать.

Рекс выпрямился, оглядывая улицу. В конце переулка показалась какая-то фигура — гном в длинном плаще, который, заметив чужаков, замедлил шаг, но потом, решив, что не его это дело, прошёл мимо, бросив короткий взгляд на

дверь мастерской. В квартале гномов не принято было совать нос в чужие дела, но это не значило, что о них не рассказывали за кружкой рунного пива в таверне.

— Значит, так, — сказал Рекс, понижая голос. — В мастерской побывали посторонние. Оставили следы. И, скорее всего, забрали то, зачем пришли. Или искали что-то. Гримхильда говорила, что пропали чертежи и её муж. Чертежи могли забрать. А Торин... может, его тоже забрали. Или он сбежал.

— Следы на пороге не ведут наружу, — заметил Финн. — Они остались снаружи, когда кто-то входил или выходил. Но мы не знаем, были ли они внутри. Для этого нужно попасть в мастерскую.

Рекс посмотрел на дверь. На её массивные створки, на рунные замки, на медные полосы, которые блестели в свете уличных фонарей, на табличку с именем, которая теперь казалась почти мемориальной. Потом перевёл взгляд на Финна, который всё ещё сидел на корточках, изучая порог.

— Нужно войти, — сказал он. — Это единственный способ понять, что там произошло.

Финн поднял голову, и на его лице появилось выражение, которое Рекс уже научился распознавать как «сейчас будет что-то про закон».

— Босс, — сказал Финн, поднимаясь и отряхивая колени, — взлом жилища без ордера — это нарушение. Если нас поймают, у нас отберут лицензию. Которую мы с таким тру-

дом получили после того дела с големом.

— Лицензию? — Рекс махнул рукой, как будто речь шла о просроченном билете в театр. — Финн, мы занимаемся важным делом. Женщина потеряла мужа. Инженер пропал. Гильдия врёт. А ты мне про какую-то лицензию?

— Я вам про то, что без лицензии мы не сможем работать. Вообще никак. Даже искать пропавших котов.

Рекс посмотрел на дверь, потом на Финна, потом снова на дверь. В его голове явно шла борьба между врождённой тягой к героизму и остатками здравого смысла, который Финн в него вбивал последний год.

— Разведчик действует на грани закона, — наконец изрёк он, и его голос прозвучал так, будто он цитировал «Самоучитель» — что, впрочем, он и делал. — Это классика. Если бы мы всегда спрашивали разрешения, мы бы никогда ничего не нашли.

— Это называется «независимое расследование», — возразил Финн, — и для него нужен ордер. Или хотя бы согласие владельца. А владелец — Гримхильда. Она не давала нам разрешения ломать дверь.

— Она дала нам разрешение найти её мужа, — парировал Рекс. — Если для этого нужно войти в мастерскую, значит, мы входим. — Он подошёл к двери и упёрся в неё плечом, проверяя, насколько она крепкая. — К тому же, если там уже кто-то был, мы не первые взломщики. Нас хотя бы не будут судить за первенство.

Финн вздохнул. Вздох был долгим, глубоким, с ноткой обречённости, которая появлялась у него каждый раз, когда Рекс принимал решение, которое могло закончиться либо триумфом, либо тюрьмой. Он знал, что спорить бесполезно — когда Рекс входил в режим «классического разведчика», его невозможно было остановить. Оставалось только минимизировать ущерб.

— Хорошо, — сказал он, доставая из сумки отмычку. — Но мы делаем это аккуратно. Чтобы можно было закрыть обратно и никто не заметил. Если нас поймают, я скажу, что это я предложил.

— Никто нас не поймает, — уверенно заявил Рекс. — Разведчик не попадается.

— В прошлый раз вы попались, когда пытались проникнуть в архив Гильдии Алхимиков. Вас поймал сторож-голем и выставил на улицу, предварительно облив фиолетовой краской.

— Это был тактический камуфляж.

— Вы три дня отмывались.

Рекс предпочёл не продолжать этот разговор. Вместо этого он посмотрел на отмычку, которую Финн держал в руках.

— Это та самая, которую я купил у торговца на рынке? — спросил он с некоторой гордостью. — Универсальная, с тремя рунами? Продавец говорил, она открывает любую дверь, даже если ты забыл ключи дома.

— Та взорвалась, когда вы попробовали её в прошлый раз,

— напомнил Финн. — Руны были вырезаны неправильно, а корпус был из дешёвого сплава, который плавится при первом же контакте с маной.

— Но ты её починил? — с надеждой спросил Рекс.

Финн посмотрел на отмычку. Она была некрасивой — грубый металл, неаккуратные швы, руны, которые он вырезал заново, потому что старые были никуда не годны. Но она работала. Он проверил её на десятке замков, и ни один не взорвался.

— Я сделал новую, — сказал он, и в его голосе прозвучала та скромная гордость, которая появлялась у него только тогда, когда речь заходила о его изобретениях. — Из нормального металла. Руны вырезал по правильной схеме. Она не взрывается, не светится розовым и не просит оплатить подписку.

Рекс взял отмычку, повертел в руках, оценивая.

— Выглядит... профессионально, — признал он. — Ты молодец, Финн. Настоящий разведчик должен уметь делать инструменты своими руками.

— Я не разведчик, — сказал Финн, забирая отмычку обратно. — Я помощник разведчика. И моя работа — следить, чтобы этот разведчик не подорвался на собственных гаджетах.

Он снова присел перед дверью, внимательно изучая замок. Три рунных засова, механическая защёлка, и, кажется, ещё один, скрытый, который он заметил только сейчас, когда

пригляделся. Торин был мастером, это точно.

— Дай мне время, — сказал Финн, не оборачиваясь. — И смотри в оба. Если кто-то идёт — кашляни. Громко.

Рекс выпрямился, принял позу часового и начал сканировать улицу взглядом, который, как ему казалось, был пронизывающим и незаметным одновременно. На самом деле он просто стоял посреди переулка, засунув руки в карманы, и смотрел на всех прохожих с таким видом, будто собирался взять у них интервью. Гном, который чинил люк, уже ушёл, но из ближайшего дома вышла гномка с корзиной, посмотрела на Рекса, потом на Финна, который копошился у двери, и, ничего не сказав, быстро зашагала прочь.

— Кажется, нас заметили, — шепнул Рекс.

— Кашляйте, босс, — ответил Финн, не поднимая головы. — Я почти закончил.

Рекс кашлянул. Кашель получился громким, неестественным, и гномка, уже скрывшаяся за углом, наверняка услышала его и теперь рассказывала соседям, что у дома Камнереза творятся странные вещи.

— Ещё раз, — сказал Финн. — Громче.

Рекс кашлянул снова, на этот раз так, что у него самого зазвенело в ушах. В этот момент Финн нажал на отмычку, и замок издал тихий, едва слышный щелчок.

— Готово, — сказал Финн, убирая инструмент. — Дверь открыта.

Финн уже протянул руку к двери, чтобы толкнуть её и войти, когда Рекс вдруг отдёргнул его за плечо.

— Стой, — сказал он голосом, который, по его замыслу, должен был звучать таинственно и многозначительно, а на деле напоминал скрип несмазанной петли. — Дай я. У меня есть кое-что получше твоей самоделки.

Финн обернулся и увидел, что Рекс уже запустил руку во внутренний карман куртки и извлекает оттуда предмет, который он носил с такой гордостью, будто это был не кусок дешёвого металла с рунами, а личный жезл самого Первого Архимага. Это был «универсальный рунный ключ», купленный у уличного торговца на рынке. Продавец, гoblin с глазами-бусинками и убедительностью профессионального лжеца, клялся, что этот ключ открывает любые замки — от амбарных засовов до рунных сейфов Гильдии Ассасинов, а заодно может варить кофе и определять фальшивые монеты. Рекс купился, как всегда, и теперь носил этот жезл с собой, используя его при каждом удобном случае, чтобы доказать, что покупка была гениальной, а не идиотской.

Финн посмотрел на жезл, потом на дверь, которая уже была открыта — он сам её только что отпер своей отмычкой, и она держалась на честном слове и остаточном трении. Он открыл рот, чтобы сказать что-то вроде «босс, дверь уже

открыта», но Рекс уже протиснулся мимо него, решительно вставил жезл в замочную скважину и нажал кнопку активации.

— Смотри и учись, — сказал он, отступая на шаг и принимая позу человека, который вот-вот совершит великое открытие. — Это тебе не самоделки из старых деталей. Это профессиональный инструмент.

Жезл начал гудеть. Гул был низким, вибрирующим и каким-то болезненным. Руны на корпусе зажглись красным, потом оранжевым, потом снова красным, переливаясь в нездоровом темпе, который говорил о том, что внутри происходит что-то, не предусмотренное ни инструкцией, ни законами физики. Финн, который уже видел этот жезл в действии и знал, чем обычно заканчиваются такие представления, сделал шаг назад и инстинктивно прикрыл лицо сумкой.

— Босс, — начал он, но Рекс поднял руку, призывая к тишине.

— Это фирменный звук, — объявил он с видом знатока. — Он нейтрализует защиту. Продавец говорил, что так и должно быть.

— Продавец был гоблином, который торгует подделками у фонтана, — напомнил Финн. — В прошлый раз этот жезл...

Он не успел закончить. Жезл издал звук, который трудно было описать иначе, чем «неприличная отрывка после слишком плотного обеда». Это было нечто среднее между

рыком больного василиска и звуком, с которым лопается перегретый рунный конденсатор. Звук был настолько громким и неожиданным, что у Финна заложило уши, а где-то в соседнем доме кто-то выругался на гномьем языке — коротко, зло и с явным намёком на то, что сейчас выйдет и разберётся.

— Видишь? — Рекс, который, казалось, не замечал ни опасности, ни того, что на них уже обращают внимание, указал на жезл с гордостью. — Он работает.

Слово «работает» оказалось для жезла последней каплей. Он дёрнулся в руке Рекса, загудел на высокой ноте, похожей на вопль чайки, которой наступили на хвост, и с глухим хлопком взорвался.

Взрыв был не сильным — скорее громким, чем разрушительным, — но эффектным. Из жезла вырвалось облако чёрной сажи, густой и липкой, как дешёвое рунное масло, и осело на всём, что находилось в радиусе метра. На стене рядом с дверью появилось тёмное пятно, похожее на отпечаток гигантского пальца, а лицо Рекса, который стоял ближе всех, мгновенно приобрело цвет, который можно было описать как «дымоход после зимы». Сажа забила в складки куртки, в волосы, под воротник, и даже, кажется, в уши.

Финн, который успел отступить на безопасное расстояние, опустил сумку и уставился на босса. Сажа покрывала его лицо ровным слоем, делая похожим на рудокопа, который только что выбрался из самой глубокой шахты, забыв по дороге умыться. Только белки глаз и зубы сверкали на чёр-

ном фоне, придавая лицу Рекса вид жутковатой маски.

Дверь, между тем, медленно, со скрипом, который можно было принять за вздох облегчения, отворилась.

Рекс вытер лицо рукавом, размазывая сажу ещё больше, и с достоинством, которое могло принадлежать только человеку, не признающему своих ошибок, произнёс:

— Сработало как надо.

Финн открыл рот, закрыл, снова открыл. В его голове бо-ролись два желания: сказать правду и сохранить остатки самоуважения босса. Правда в конце концов победила, но в очень мягкой форме.

— Босс, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал нейтрально, — она взорвалась.

Рекс посмотрел на остатки жезла, которые лежали на пороге в виде обугленной металлической трубки, потом на сажу на стене, потом на свои руки, которые были покрыты чёрным слоем. В его глазах мелькнуло что-то, похожее на сомнение, но оно исчезло так же быстро, как и появилось.

— Отвлекающий манёвр, — объявил он, стряхивая сажу с куртки. — Классическая техника. Создаёшь шум, привлекаешь внимание, а в это время... — он кивнул на открытую дверь, — проникаешь внутрь. Никто и не заметит.

— Вы привлекли внимание всей улицы, — заметил Финн, оглядываясь на соседние дома, где уже начали зажигаться светляки рунных ламп, а из-за штор выглядывали любопытные лица. — И мы ещё даже не вошли.

— Тем лучше, — Рекс шагнул к двери, на ходу вытирая лицо платком, который после этого приобрёл цвет, не поддающийся описанию. — Пока все смотрят на взрыв, мы уже внутри.

Финн хотел сказать, что классика разведки обычно не включает в себя взрывы собственных инструментов и чёрные лица, которые видно за квартал, но решил, что спорить сейчас бесполезно. Он сунул свою отмычку обратно в сумку, проверил, на месте ли порошок для выявления магии, и шагнул следом.

— Входим, — сказал Рекс, переступая порог. — Теперь мы там, где начинаются все тайны.

Он шагнул в полумрак мастерской, и его фигура — чёрная на фоне серого камня, с разводами сажи на лице и куртке — выглядела так, будто призрак из старой легенды решил навестить живых. Финн, вздохнув, вошёл следом, осторожно притворив за собой дверь.

Внутри было темно. Воздух был тяжёлым, спрессованным годами работы, запахами металла, машинного масла и той особой горелой сладости, которую оставляют после себя перегретые руны. Где-то в глубине капала вода — равномерно, как маятник, отсчитывающий время, которого у пропавшего инженера оставалось всё меньше.

Рекс пошарил рукой по стене, нащупал выключатель, щёлкнул. Ничего не произошло. Он щёлкнул ещё раз, потом ещё, потом ударил по стене кулаком.

— Не работает, — констатировал он с досадой. — Отключили, что ли?

— Или руны разрядились, — сказал Финн, доставая из сумки свой рунной фонарик. — Гримхильда говорила, что в мастерской кто-то был. Могли и свет отключить, чтобы никто не заметил, что здесь копались.

Он включил фонарик, и узкий луч света разрезал темноту, выхватывая из неё очертания предметов. Первое, что увидел Финн, был рабочий стол — массивный, из тёмного дерева, покрытый слоем пыли, которая говорила о том, что за ним не работали уже несколько дней. На столе лежали инструменты — молотки, резцы, наборы для гравировки рун, — аккуратно разложенные по своим местам, как будто мастер ушёл на минуту и должен был вот-вот вернуться. Но пыль на них была такой же толстой, как и на столе, и Финн понял, что Торин не возвращался сюда с того самого вечера, когда его видели с ящиком жёлтых рун.

Рекс, который всё ещё выглядел как житель каминной трубы, шагнул вперёд, и его ботинки оставили на полу чёткие следы на слое пыли.

— Смотри, — сказал он, указывая на стену слева от входа. — Вот они.

Финн направил фонарик туда, куда показывал Рекс, и увидел то, что заставило его сердце забиться быстрее.

На каменной стене, рядом с рабочим столом, были три руны. Они были вырезаны неглубоко, неровно, с нарушением

всех пропорций, которые Финн выучил, когда старый гном-наёмник показывал ему основы рунной магии. Линии шли криво, углы были скошены, а края — рваными, как будто тот, кто их резал, делал это в спешке, дрожащими руками, не зная, что делает. И самое главное — руны не светились. Они были тёмными, мёртвыми, как остывшая зола, но на их поверхности, если присмотреться, виднелись следы того самого жёлтого свечения, о котором говорили Гримхильда и Миссис Грей. Свечения, которого не должно было быть.

Рекс подошёл ближе, провёл пальцем по одной из рун и посмотрел на Финна.

— Это то, что мы ищем?

— То, — ответил Финн, поднося фонарик ближе. — Это не гномья работа. И она не закончена. Тот, кто их резал, не знал, что делает. Или его прервали.

Он провёл рукой над рунами, чувствуя, как от них всё ещё исходит слабое, едва уловимое тепло — последнее дыхание магии, которая была вложена в них и которая теперь угасала, оставляя после себя только вопрос: кто и зачем пришёл в мастерскую Торины Камнереза и оставил на стене эти кривые, жёлтые, неправильные знаки?

— Финн, — сказал Рекс, и его голос стал тихим, почти шёпотом, — мне кажется, мы нашли то, что искали. И теперь нам нужно понять, что это значит.

Финн провёл рукой над рабочим столом, и его пальцы,

чуткие к магии, ощутили только холодную тишину. Здесь не было следов чужого присутствия — только остаточная мана самого Торина, слабая, едва различимая, как запах старого дерева, который въедается в стены настолько, что перестаёшь его замечать. Рекс тем временем обошёл мастерскую по периметру, заглядывая в каждый угол, под каждый верстак, и его удивление росло с каждой минутой.

— Идеальный порядок, — сказал он, останавливаясь у стеллажа с инструментами. Молотки, резцы, рунные гравировальные иглы — всё лежало на своих местах, разложенное по размеру и назначению с той педантичностью, которая могла принадлежать только гному, посвятившему жизнь точным наукам. — Инструменты на месте. Руны в ячейках. На столе чертежи. — Он повернулся к Финну, и на его чёрном от сажи лице появилось выражение, которое трудно было назвать иначе, чем «профессиональное недоумение». — Похищение? Но здесь нет следов борьбы.

Финн не ответил. Он медленно двигался вдоль стены, где стояли стеллажи с рунными заготовками, и его рука, вытянутая вперёд, парила над ячейками, как игла компаса, ищущая север. Пальцы чуть дрожали — дар требовал концентрации, а концентрация в этом месте давалась с трудом. Слишком много магии было здесь раньше, слишком много рун, которые светились, работали, дышали. Теперь они молчали, и в этой тишине трудно было различить отдельные голоса.

Рекс, не дождавшись ответа, подошёл к столу и склонил-

ся над чертежами. Они были свёрнуты в аккуратные трубки, перевязаны бечёвкой, и на каждой была каллиграфическая надпись: «Проект №47», «Модуляция потока — черновые расчёты», «Спецификация рун третьего порядка». Рекс осторожно развернул один из них, но линии и символы, начерченные с точностью, которая могла принадлежать только гному, не сказали ему ровно ничего. Он умел читать карты, знал несколько языков, но язык рунной инженерии был для него такой же тайной, как для обычного человека — язык древних эльфов.

— Финн, — позвал он, не оборачиваясь, — тут какие-то чертежи. Может, это то, что мы ищем?

Финн подошёл, бросил быстрый взгляд на развёрнутый лист, и его брови сошлись к переносице. На бумаге, расчерченной тонкими линиями, была изображена схема устройства, которое он видел впервые, но которое почему-то казалось ему знакомым. Компактный цилиндр, внутри которого располагалась сложная система рун — не гномьих и не эльфийских, а каких-то гибридных, соединяющих в себе принципы разных школ магии. В центре схемы была надпись, сделанная твёрдым, уверенным почерком: «Модулятор потока. Версия 4.2. Рабочий прототип».

— Это чертёж, — сказал Финн, и в его голосе появилась нотка, которая всегда возникала, когда он сталкивался с чем-то, что выходило за рамки его знаний. — Торин работал над чем-то новым. Чем-то, что соединяет разные типы рун в од-

ной системе. Если это работает...

— То это может перевернуть всё, — закончил Рекс, и его глаза загорелись. Он уже чувствовал запах большого заговора, и этот запах был слаще кофе Миссис Грей. — Похищение с целью промышленного шпионажа! Это классика! Кто-то узнал о разработке и решил её украсть. А Торин либо сопротивлялся, либо...

— Либо успел спрятать чертежи, — перебил Финн, возвращаясь к своему осмотру. — Посмотрите внимательнее, босс. На столе не хватает инструментов.

Рекс подошёл к стеллажу, где в специальных гнёздах лежали рунные резцы и гравировальные иглы. Он насчитал двенадцать гнёзд, но только девять были заняты. Три самых тонких, самых дорогих инструмента — тех, которыми пользуются мастера высшего класса, — отсутствовали.

— Мог взять с собой, — предположил Рекс. — Если он ушёл добровольно, то мог захватить самое нужное.

— Мог, — согласился Финн, но в его голосе не было уверенности. — А теперь посмотрите сюда.

Он подошёл к ячейкам с рунными заготовками — небольшим каменным пластинкам, на которые мастера наносили свои символы. Ячеек было около сотни, но почти треть из них пустовала. И не просто пустовала — в некоторых из них лежали сколы и обломки, как будто кто-то торопился и выдёргивал заготовки, не заботясь о том, что повредит их.

— Кто-то рылся здесь, — сказал Финн, доставая из сум-

ки увеличительное стекло с магической подсветкой. — И не просто рылся. Он искал что-то конкретное. Или забирал всё, что могло пригодиться.

— Или Торин сам забрал свои лучшие заготовки, — упрямо повторил Рекс, но в его голосе уже не было той уверенности, с которой он вошёл в мастерскую. Слишком много странностей накапливалось вокруг этого дела.

Финн поднёс стекло к одной из ячеек, на дне которой осталась тонкая пыльца — не каменная, а магическая, что остаётся от рун, которые были вырезаны, но так и не активированы. Пылца была бледно-жёлтой, почти бесцветной, и она не светилась — просто лежала на дне, как пепел сгоревшей бумаги.

— Здесь были руны, — сказал он, отставляя стекло. — И они были вырезаны не Торином. Он бы никогда не оставил такой мусор.

Рекс подошёл, заглянул в ячейку и поморщился.

— Может, ученик? У гномов бывают ученики?

— У Торины не было учеников, — ответил Финн, вспоминая слова Гримхильды. — Она сказала, что он работал один. И он был из тех мастеров, которые не доверяют свою работу никому.

— Значит, чужак, — заключил Рекс, и его лицо стало серьёзным. — Кто-то пришёл сюда, пока Торины не было, и рылся в его вещах. Забирал руны, инструменты, может быть, чертежи.

— Или Торин сам взял самое ценное и ушёл, — снова напомнил Финн, но теперь это звучало не как возражение, а как вариант, который нужно было проверить. — А потом пришли другие и забрали остальное.

Рекс подошёл к столу, где лежали свёрнутые чертежи, и пересчитал их. Семь трубок. Если верить надписям, это были черновые расчёты, спецификации, но не сам модулятор.

— Где основной чертёж? — спросил он, поворачиваясь к Финну. — Тот, по которому можно собрать устройство?

Финн, который уже осматривал полки с книгами и блокнотами, ответил не сразу. Он нашёл несколько тетрадей с расчётами, дневник с пометками о работе, но нигде не было главного — итоговой схемы, которая объясняла бы, как работает модулятор.

— Нет, — сказал он, закрывая последнюю тетрадь. — Основного чертежа здесь нет. И рабочего прототипа тоже.

Рекс присвистнул. Теперь картина складывалась в его голове с той быстротой, которая всегда поражала Финна, когда речь шла о построении теорий заговора.

— Значит, так, — сказал он, понижая голос, хотя в мастерской, кроме них, никого не было. — Торин разработал нечто гениальное. Модулятор, который может изменить рынок энергии. Кто-то узнал об этом и захотел заполучить чертежи. Торин понял, что ему грозит опасность, забрал самое ценное — чертежи, прототип, лучшие инструменты — и исчез. А потом те, кто за ним охотился, пришли в мастерскую,

чтобы найти то, что он мог оставить. Или чтобы уничтожить следы.

Финн слушал и кивал. В словах Рекса была своя логика. Не та логика, которая строится на фактах, а та, которая строится на старых шпионских свитках и уверенности в том, что мир устроен как большой заговор. Но иногда, очень редко, эта логика оказывалась права.

— Или, — сказал Финн, указывая на свёрнутые чертежи, — Торин просто перепрятал всё в более надёжное место. А эти чертежи — то, что он не считал важным.

— Или то, что он хотел, чтобы нашли, — добавил Рекс, и его глаза загорелись. — Финн, ты гений! Это может быть ложный след! Торин оставил здесь то, что должно отвлечь охотников, а сам ушёл с настоящими чертежами.

— Я не гений, — возразил Финн, но в его голосе не было обычной скромности. — Я просто смотрю на факты. Торин исчез. Основной чертёж пропал. Инструменты пропали. Кто-то чужой рылся в его вещах. Жёлтые руны на стене. Всё это говорит о том, что здесь что-то произошло. Но что именно — мы пока не знаем.

Финн опустился на корточки в центре мастерской, туда, где пыль на полу была такой же ровной и нетронутой, как на рабочем столе. Он долго смотрел на каменные плиты, прищурившись, словно пытался разглядеть то, что было скрыто от обычного зрения. Потом, приняв какое-то решение, до-

стал из сумки кожаный мешочек с порошком для выявления магии.

— Что ты делаешь? — спросил Рекс, который стоял у стола и пытался разобрать надписи на чертежах, хотя уже понял, что без Финна ему здесь не обойтись.

— Смотрю, кто здесь был, — ответил Финн, развязывая мешочек. — Пол хранит следы дольше, чем стены. Особенно если никто не убирался.

Он насыпал на ладонь щепотку серебристой пылицы — совсем немного, чтобы хватило на всю комнату, — и осторожно, стараясь не расплескать, дунул. Пыльца взвилась в воздух, закружилась в медленном, ленивом танце, а потом начала оседать, с какой-то особенной, почти разумной плавностью. Она ложилась на пол неровными пятнами, собиралась в сгустки там, где магия оставила свой след, и светилась — слабо, едва заметно, но достаточно ярко, чтобы в полумраке мастерской можно было разглядеть очертания того, что произошло здесь пять дней назад.

Рекс, забыв про чертежи, подошёл ближе и замер. На полу, подсвеченные голубоватым свечением, проступали следы. Множество следов, наложенных друг на друга, пересекающихся и расходящихся, как линии на старой карте. Некоторые были яркими, чёткими, другие — бледными, почти прозрачными, словно их обладатели прошли здесь много недель назад. Но три цепочки следов выделялись особенно отчётливо, и Финн, склонившись над ними, начал читать эту стран-

ную книгу, которую никто, кроме него, не мог раскрыть.

— Вот здесь, — сказал он, указывая на маленькие, аккуратные отпечатки, которые начинались у рабочего стола и вели к двери, — Торин. Гномья походка: шаг короткий, стопа широкая, вес на пятку. Он шёл медленно, без спешки. Судя по глубине следа, нёс что-то, не слишком тяжелое.

— Ящик с рунами? — предположил Рекс, вспоминая слова Миссис Грей.

— Возможно. — Финн проследил цепочку до порога. — Следы Торина уходят из мастерской. Он вышел сам, похоже, без принуждения. Никто его не тащил, не вёл под руки.

— Значит, ушёл добровольно, — констатировал Рекс, и в его голосе прозвучало разочарование человека, который только что потерял одну из своих любимых теорий. — Не похищение, а побег.

— Или просто уход, — поправил Финн. — Мы не знаем, почему он ушёл. Может, испугался, может, решил спрятать чертежи. Но он ушёл сам. А вот это... — он перевёл руку к другой цепочке следов, которая начиналась у двери и вела вглубь мастерской, — это пришло позже.

Следы были крупнее, тяжелее, с глубокими отпечатками подошв, которые оставляли за собой не только форму, но и слабый жёлтый отсвет — тот самый, который Финн уже видел на стене и на пороге. Две пары ног, обе человеческие, судя по размеру и пропорциям. Они вошли в мастерскую, прошли к столу, постояли у стеллажей, покрутились у ящиков с

инструментами, а потом так же вышли, оставив после себя хаос, который потом кто-то старательно привёл в порядок.

— Двое, — сказал Финн, проводя рукой над жёлтыми следами. — Оба люди. С дешёвой магией, которую они даже не пытались скрыть. Они вошли после того, как Торин ушёл. Рылись в его вещах, искали что-то.

— И нашли? — спросил Рекс, приседая рядом.

— Не уверен. — Финн проследил цепочку до пустых ячеек с рунами, до стеллажа, где не хватало инструментов, и нахмурился. — Они забрали то, что лежало на виду. Руны, инструменты. Но чертежи... чертежи остались. Странно. Если бы они искали модулятор, они бы забрали всё.

— Может, не знали, что искать, — предположил Рекс. — Или им нужны были не чертежи, а что-то другое. — Он поднялся, прошёлся по мастерской, и его взгляд упал на стену, где были вырезаны жёлтые руны. — А эти? Они тоже пришли к этим рунам?

Финн подошёл к стене и снова провёл рукой над полом. Следы двоих людей действительно вели к тому месту, где Торин стоял лицом к стене. Они остановились здесь, постояли несколько минут — об этом говорило слабое свечение пылицы, которая успела осесть ровным пятном, — а потом отошли.

— Они смотрели на руны, — сказал Финн. — Или на то, что Торин им показывал. А потом ушли.

— Значит, Торин не просто ушёл, — медленно произнёс

Рекс, и его голос стал тихим, почти шёпотом, как у человека, который только что понял, что стоял на пороге разгадки. — Он кого-то встретил здесь. Или кто-то пришёл к нему. Они говорили, он показал им эти руны, а потом... потом он взял ящик и ушёл. А эти двое остались и обыскали мастерскую.

— Или вернулись позже, — уточнил Финн. — Следы не показывают, что они ушли вместе с Торином. Они пришли позже, когда его уже не было.

Рекс задумался. Он стоял посреди мастерской, в центре этого лабиринта из следов, рун и аккуратно разложенных инструментов, и его лицо под слоем сажи стало серьёзным — настолько серьёзным, что Финн на мгновение забыл, что перед ним человек, который полчаса назад взорвал собственный гаджет и теперь выглядит как трубочист после смены.

— А если Торин не убегал? — спросил Рекс, и в его голосе появилась та самая нотка, которая всегда возникала, когда он начинал строить новую теорию. — Если он хотел, чтобы его нашли? Или он оставил здесь что-то, что должно было указать дорогу?

Финн поднял голову, и его глаза встретились с глазами Рекса. В них было то самое выражение, которое появлялось каждый раз, когда босс говорил что-то, что имело смысл, даже если это противоречило всем предыдущим теориям.

— Вы думаете, он оставил нам послание? — спросил он, и в его голосе прозвучало сомнение, смешанное с надеждой.

— Я думаю, — сказал Рекс, медленно поворачиваясь на

месте и оглядывая стены, — что гном, который боится за свою жизнь, не будет просто так вырезать на стене кривые руны, которые светятся жёлтым. Он сделает это с умыслом. Чтобы кто-то понял.

Он подошёл к стене, где были вырезаны три руны, и провёл пальцем по неровным линиям. Потом его взгляд скользнул выше, на стену, которая была покрыта старой краской — когда-то светло-серой, а теперь тёмной, почти чёрной от времени и копоти. И там, на уровне глаз, он заметил то, что не заметил при первом осмотре: небольшой участок, где краска была чуть светлее, как будто её недавно счищали и наносили заново.

— Финн, — сказал он, не оборачиваясь, — подойди-ка сюда. Посвети.

Финн поднял фонарик, и луч света выхватил из темноты стену, покрытую неровными слоями краски. Рекс прищелкнул языком — и увидел, что под верхним слоем что-то есть. Какие-то линии, выцарапанные острым предметом, которые потом закрасили, но сделали это наспех, торопясь, как будто боялись, что их застанут.

— Дай-ка, — сказал он, отбирая у Финна фонарик, и принялся осторожно, кончиками пальцев, ощупывать стену. Штукатурка была старой, рыхлой, и ноготь легко входил в неё, оставляя белые царапины. Рекс поддел край краски там, где она вздулась пузырьком, и отодрал кусок.

Под первым слоем оказался второй, более тёмный, а под

ним — третий, почти чёрный от копоти. Но между ними, в том месте, где краска была тоньше всего, проступали буквы. Крупные, неровные, выцарапанные явно в спешке, но разборчивые. Рекс отдирал краску ногтем, пласт за пластом, не обращая внимания на то, что пальцы начинают болеть, а под ногти набивается мерзкая серо-зелёная труха. Финн стоял рядом, держа фонарик, и его дыхание стало прерывистым, когда он увидел, что появляется на стене.

— П... О... Р... — прочитал Рекс по буквам, когда последний кусок краски упал на пол, обнажив слово, вырезанное глубоко, с той яростью, которая могла принадлежать только человеку, который знал, что его могут не услышать. — ПОРТ.

Рекс стоял перед стеной с выцарапанным словом, и его лицо под слоем сажи приобрело то самое выражение, которое Финн уже научился распознавать как «сейчас босс скажет что-то громкое и неизбежное». Пальцы Рекса, всё ещё покрытые серой трухой от краски, сжались в кулак, потом разжались, и он повернулся к Финну с торжеством человека, который только что разгадал шифр, над которым ломали головы лучшие умы Гильдии Аналитиков.

— Порт! — воскликнул он, и его голос, отразившись от каменных стен мастерской, прозвучал, как трубный глас, возвещающий начало великой охоты. — Это классика! Разведчик всегда проверяет порт! Там, где корабли, там и тай-

ны. Там, где грузы, там и контрабанда. Там, где портовые кабаки, там и...

— Босс, — перебил Финн, который уже начал собирать разложенные на полу порошки и убирать их обратно в сумку, — или он просто напоминал себе купить портовой рыбы.

Рекс посмотрел на Финна с выражением, которое можно было описать только как «оскорблённая гениальность».

— Финн, твой скептицизм убивает во мне разведчика. Посмотри на факты! Торин пропадает. В его мастерской чужие следы. Жёлтые руны на стене. Пропавшие чертежи. И послание, оставленное под слоем краски! — Он ткнул пальцем в выцарапанное слово, и кусочек засохшей краски упал на пол. — Это не список покупок. Это сигнал! Он хотел, чтобы его нашли, и указал направление.

— Или он просто боялся забыть, что нужно зайти в портовую лавку, — тихо сказал Финн, убирая в сумку последний мешочек с порошком. — У гномов бывает склероз. Особенно когда они работают над сложными проектами и не выссыпаются.

Рекс, который уже начал расхаживать по мастерской, жестикулируя и расписывая свою новую теорию, остановился и посмотрел на Финна с таким видом, будто тот только что предложил отменить расследование и пойти вязать носки.

— Слушай меня, — сказал он, понижая голос до заговорщического шёпота, который в пустой мастерской звучал громче обычного разговора. — Торин разработал секретное

оружие. Этот модулятор — он не для мирных целей. Его можно превратить в... ну, в нечто, что перевернёт баланс сил в городе. Кто-то узнал об этом — возможно, конкуренты из другой гильдии, — и решил заполучить чертежи. Торин понял, что ему грозит опасность, и решил бежать. Но перед этим он оставил нам знак. Порт. Его вывезли через порт. Или он сам собирался бежать через порт. В любом случае, чертежи — это ключ к секретному оружию, и мы должны найти их раньше, чем это сделают похитители.

Финн, который закончил упаковывать сумку и теперь стоял, скрестив руки на груди, слушал эту тираду. Он знал, что спорить с Рексом, когда тот входил в режим «шпионского триллера», было бесполезно, но всё равно чувствовал себя обязанным напомнить о фактах.

— Босс, — сказал он, когда Рекс сделал паузу, чтобы перевести дыхание, — следы показывают, что Торин ушёл сам. Его не вывозили. Он вышел из мастерской своими ногами, с ящиком в руках. И он ушёл не в сторону порта — Миссис Грей видела, как он свернул к старым складам, которые находятся в другой стороне.

— Отвлекающий манёвр! — мгновенно парировал Рекс, и его глаза загорелись. — Он хотел сбить преследователей со следа! Сначала пошёл к складам, а потом через подземные ходы направился в порт. Классическая техника разведчика! Запиши это, Финн!

— Я не уверен, что у инженеров гномов есть такая техни-

ка, — возразил Финн. — Они обычно решают проблемы с помощью рун и молотка, а не подземных ходов.

— Торин — не простой инженер! — Рекс поднял указательный палец, придавая своим словам вес, который, по его мнению, должен был развеять все сомнения. — Он изобретатель! Он мыслит нестандартно! Именно поэтому его и хотят украсть — прости, похитить. Или завербовать. Или устранить. В любом случае, порт — это единственная зацепка, и мы должны её проверить.

Он замолчал, глядя на Финна с вызовом, готовый к новым возражениям. Но Финн, который уже понял, что спорить бесполезно, только вздохнул и кивнул.

— Хорошо, босс. Завтра идём в порт. Но вы хотя бы умойтесь перед этим. Выглядите как... как...

— Как разведчик после ночной операции, — закончил Рекс с гордостью. — Это маскировка. В порту меня никто не узнает.

— Вас узнают по голосу, — сказал Финн. — Вы говорите громче всех в радиусе квартала.

Рекс хотел возразить, но в этот момент его взгляд упал на чертежи, которые всё ещё лежали на столе.

— А это? — спросил он, указывая на них. — Мы оставляем их здесь?

Финн подошёл к столу, посмотрел на чертежи, потом на дверь.

— Мы не можем их забрать, — сказал он, хотя в его го-

лосе слышалась неуверенность. — Это собственность Гильдии. Если нас поймают с ними, это будет кража.

— А если их заберут те двое? — спросил Рекс, кивнув на пол, где всё ещё слабо светились жёлтые следы чужих ног. — Они уже были здесь. Могут вернуться.

Финн задумался. В словах Рекса была своя логика. Чертежи были единственной вещественной уликой, кроме жёлтых рун и надписи на стене. Если их украдут, у них не останется ничего, кроме слов Миссис Грей и памяти Гримхильды.

— Ладно, — сказал он, доставая из сумки небольшой металлический предмет, похожий на плоскую коробочку с рунами на крышке. — Мы сделаем копии. Оригиналы оставим на месте, чтобы никто не заметил, что здесь кто-то был.

— Это разумно, — одобрил Рекс, подходя ближе, чтобы рассмотреть устройство. — Что это?

— Рунной копир, — ответил Финн, открывая крышку и проверяя, на месте ли зарядные кристаллы. — Помните, я показывал вам его на прошлой неделе? Вы сказали, что он выглядит как мыльница, и спросили, можно ли этим бриться.

— Я просто пошутил, — сказал Рекс, разглядывая устройство с уважением, которого оно, по его мнению, заслуживало. — А он работает?

— Работает, — Финн положил один из свёрнутых чертежей на крышку копира, и руны на корпусе засветились ровным голубым светом. — Но не идеально. Я его собрал из ста-

рых деталей, и он иногда...

Он не успел закончить. Копир издал тихий, но отчётливый звук, похожий на чихание, и на крышке, прямо поверх чертежа, начала проявляться копия — но не чёрно-белая, как ожидал Финн, а насыщенного, почти кричащего розового цвета.

Рекс, который склонился над устройством, замер, глядя на розовые линии, розовые буквы, розовые руны, которые медленно, слой за слоем, проступали на бумаге.

— Розовый, — сказал он, и в его голосе прозвучало искреннее восхищение. — Это... стильно.

— Это потому что я использовал дешёвые чернила, — проворчал Финн, вынимая готовую копию и разглядывая её с досадой. — И руны перегрелись. Он всегда так делает, когда я спешу.

— Мне нравится, — сказал Рекс, беря розовый чертёж и поднося его к фонарику. — Разведчик должен быть замечен. Розовый — это цвет... э-э... смелости. Запиши это.

Финн, который уже начал копировать второй чертёж, только вздохнул.

— Я запишу, босс. Но когда мы будем показывать эти чертежи кому-нибудь важному, я скажу, что это вы их так раскрасили. Для маскировки.

— Отличная идея, — кивнул Рекс, не заметив иронии. — Пусть думают, что это моя разведческая техника.

Он отошёл к окну, разглядывая розовые линии модулято-

ра, и его лицо, всё ещё покрытое сажей, приобрело задумчивое выражение.

— Знаешь, Финн, — сказал он, не оборачиваясь, — я думаю, это дело будет покрупнее, чем просто пропавший гном. Тут пахнет большими деньгами, большими амбициями и, возможно, большими неприятностями.

Финн, который закончил копировать чертёжи и теперь раскладывал оригиналы обратно на столе, поднял голову.

— Вы так думаете?

— Я чувствую, — ответил Рекс, и в его голосе не было обычной самоуверенности — только спокойная, почти грустная уверенность человека, который уже видел, как простые дела превращаются в сложные. — Торин изобретатель. А изобретатели всегда либо становятся героями, либо пропадают без вести. Я надеюсь, что мы найдём его раньше, чем он станет вторым.

— Готово, — сказал он, поднимаясь. — Теперь у нас есть улики. И направление.

— Порт, — кивнул Рекс, направляясь к выходу. — Завтра с утра. А сейчас — свидетели...

— И соседи, — подсказал Финн, открывая дверь.

— И соседи, — согласился Рекс, выходя на улицу, где уже сгустились сумерки, и рунные фонари начинали зажигаться один за другим, отбрасывая на мостовую голубоватые тени. — И Финн...

— Да, босс?

— Ты молодец. С этим бритвенным копиром. Даже розовый — это лучше, чем ничего.

4

4

Когда они вышли из мастерской Торина, улицы гномьего квартала уже погрузились в тот полумрак, который здесь называли вечером. Руны на домах светились ровным синим светом, отбрасывая на мостовую причудливые тени, похожие на письмена древнего языка. Воздух стал прохладнее, и в нём отчетливее чувствовались запахи — жареного лука из чьей-то кухни, машинного масла из мастерских, и тот особенный, ни с чем не сравнимый запах камня, который нагрелся за день и теперь медленно остывал, отдавая тепло ночи.

Рекс остановился у двери, ведущей на второй этаж, и посмотрел на Финна. Сажа на его лице уже превратилась в разводы — он попытался вытереться рукавом, но только размазал чёрные полосы. Финн подумал, что в таком виде босс вряд ли вызовет доверие у гномов, которые ценят опрятность и порядок, но решил, что напоминать об этом уже поздно.

— Будем действовать по классической схеме, — сказал Рекс, поправляя воротник куртки и принимая выражение лица, которое, по его мнению, должно было внушать уважение. — Я задаю вопросы, ты записываешь. Разведчик должен

уметь разговаривать с любыми свидетелями.

— Вы хоть лицо вытрите, — тихо сказал Финн, протягивая платок. — Выглядите как... как...

— Как человек, который только что провёл обыск в подозрительной мастерской, — отрезал Рекс, отмахиваясь от платка. — Это внушает доверие. Никто не станет врать тому, кто не боится испачкаться.

Финн хотел возразить, но Рекс уже поднялся на крыльцо и с силой постучал в дверь. Стук получился громким и уверенным, таким, каким стучат люди, которые знают, что им откроют. Финн, вздохнув, достал блокнот и приготовился записывать, мысленно готовясь к тому, что сейчас произойдёт что-то, что ему потом придётся объяснять.

Дверь открылась не сразу. Сначала за ней слышалось шарканье — медленное, тяжелое, каким ходят старые гномы, чьи суставы помнят ещё те времена, когда квартал только начинали строить. Потом лязгнул засов, и дверь отворилась на ширину ладони, выпуская наружу полоску тёплого света и запах старого дерева, трубочного табака и ещё чего-то, что Финн определил как запах долгой, размеренной жизни, в которой не было места чужакам.

В щели показалось лицо.

Это было лицо гнома, который прожил долгую жизнь и не жалел об этом. Глубокие морщины избороздили его щёки и лоб, оставляя нетронутыми только глаза — маленькие, цепкие, с тем блеском, который бывает у людей, привыкших

замечать всё, но не показывать вида. Борода была длинной, седой, с желтизной, которая появляется у старых гномов, которые много работают с медью и рунами, и заплетена в тугую косу, конец которой уходил за пояс. На гноме был простой домотканый халат, на ногах — войлочные тапки, которые, судя по виду, помнили ещё его деда.

Гном посмотрел на Рекса, потом на Финна, и его лицо, и без того неподвижное, стало каменным. Он не сказал ни слова, просто стоял в дверях и ждал, давая понять, что гость должен говорить первым.

Рекс, который привык, что его появление обычно вызывает вопросы или хотя бы удивление, слегка растерялся, но быстро взял себя в руки. Он выпрямился, поправил куртку — жест, который, по его мнению, придавал ему солидности, — и заговорил голосом, который он называл «официальным тоном разведчика». На деле этот голос звучал так, будто человек пытался говорить, зажав в зубах горячую картофелину.

— Добрый день, — сказал он, и его слова гулко прозвучали в узком коридоре, отражаясь от каменных стен. — Мы проводим расследование по факту исчезновения Торина Камнереза. У нас есть заявление от его супруги, Гримхильды Камнерез.

Гном слушал, не меняя выражения лица. Его глаза, маленькие и глубоко посаженные, перебежали с Рекса на Финна, с Финна на грязные ботинки Рекса, на его перепачкан-

ную сажей куртку, на розовые копии чертежей, которые выглядывали из сумки Финна. Он видел всё, и то, что он видел, ему явно не нравилось.

— Гримхильда, — повторил он наконец, и его голос прозвучал сухо, как треск старого дерева в камине. — Она всегда была слишком нервной. Вечно искала то, чего нет. — Он помолчал, и его пальцы, лежащие на дверном косяке, чуть заметно сжались. — Торин уехал в командировку. Гильдия сказала. Значит, так оно и есть.

Рекс, который ожидал, что имя клиентки и упоминание расследования откроет все двери, слегка растерялся. Он привык, что люди обычно начинают говорить, когда слышат слова «официальное расследование» и «заявление». Но гном смотрел на него так, будто эти слова ничего для него не значили.

— Мы хотели бы задать вам несколько вопросов, — сказал Рекс, стараясь, чтобы его голос звучал тверже. — Когда вы в последний раз видели Торуна? Не заметили ли вы чего-то необычного в последние дни?

Гном молчал. Молчал так долго, что Рекс начал переминаясь с ноги на ногу, чувствуя, как под его ботинками скрипит старый камень крыльца. Финн, стоявший чуть позади, видел, как старый гном рассматривает босса — не просто смотрит, а оценивает, взвешивает, решает, стоит ли тратить на этого человека слова.

— Торин, — сказал гном наконец. — Хороший гном. Ра-

ботящий. Не лезет не в свои дела. В отличие от некоторых, — он бросил быстрый взгляд на розовые листы в сумке Финна, — которые приходят в чужой квартал и начинают задавать вопросы, на которые не имеют права.

— У нас есть заявление, — напомнил Рекс, чувствуя, что теряет контроль над разговором. — Гримхильда...

— Гримхильда, — перебил гном, и его голос стал тверже, — хорошая женщина. Но она не понимает, как устроена Гильдия. Если Гильдия сказала, что Торин в командировке, значит, он в командировке. Всё остальное — это её нервы и ваше любопытство.

Он сделал движение, чтобы закрыть дверь, но Рекс, который уже понял, что сейчас потеряет последний шанс что-то узнать, шагнул вперёд и упёрся рукой в косяк.

— Подождите, — сказал он, и в его голосе прозвучало то, что Финн называл «режимом последнего шанса». — Мы не хотим проблем. Мы просто хотим найти человека. Его жена волнуется. Если вы что-то знаете, даже самое маленькое, это может помочь.

Гном остановился. Он посмотрел на руку Рекса, лежащую на его дверном косяке, потом поднял глаза на его лицо, всё ещё покрытое разводами сажи, и на его губах появилось что-то, похожее на усмешку — не злую, скорее усталую.

— Знаю, — сказал он, и его голос стал тише. — Я знаю, что Торин последние недели был сам не свой. Ходил, как в воду опущенный. О чём-то думал, оглядывался. А потом

исчез. И Гильдия приказала молчать. — Он помолчал, и его пальцы, лежащие на дверной ручке, чуть заметно дрогнули. — Вы понимаете, что я вам ничего этого не говорю?

— Понимаю, — сказал Рекс, и его голос стал мягче, уважительнее. — Мы просто слышали это на улице. Случайно.

Гном кивнул, и в его глазах мелькнуло что-то, похожее на одобрение.

— На улице много чего говорят, — сказал он. — Говорят, что Торин работал над чем-то большим. Говорят, что к нему приходили из Верхнего берега. Эльфы. Или вампиры. Кто их разберёт. — Он пожал плечами. — И ещё говорят, что перед тем, как исчезнуть, он ходил в порт. Несколько раз. И возвращался какой-то... — он поискал слово, — встревоженный что-ли.

Рекс почувствовал, как его сердце забилося быстрее. Порт. Снова порт. Слово, выцарапанное на стене, и теперь слова старого гнома.

— В порт, — повторил он, стараясь, чтобы его голос звучал спокойно. — Вы не знаете, зачем?

— Не знаю, — гном покачал головой, и его коса качнулась в такт. — И не хочу знать. У нас тут свои дела, свои заботы. А чужие тайны — они чужими и остаются.

Он снова потянул дверь на себя, и на этот раз Рекс не стал её удерживать. Только когда дверь уже почти закрылась, он успел спросить:

— А вы не заметили, кто ещё интересовался Торином?

Может быть, чужаки приходили в квартал?

Гном замер. Его лицо, уже скрывшееся в тени, стало непроницаемым.

— Чужаки, — повторил он, и в его голосе прозвучало что-то, похожее на презрение. — Вы первые, кого я вижу здесь за последнюю неделю. И надеюсь, последние.

Дверь закрылась. Щёлкнул засов, и тишина снова опустилась на лестничную клетку, нарушаемая только мерным гудением рунных ламп.

Рекс стоял, глядя на закрытую дверь, и чувствовал, как внутри него нарастает то самое ощущение, которое он называл «чутьём разведчика». Порт. Чужаки из Верхнего берега. Гильдия, которая приказала молчать. Всё это складывалось в картину, которая была куда сложнее, чем просто пропавший инженер.

— Финн, — сказал он, не оборачиваясь, — ты всё записал?

— Всё, — ответил Финн, и в его голосе не было обычного скептицизма. — Порт. Эльфы или вампиры. Гильдия заставляет молчать. И Торин был встревожен.

Рекс кивнул, повернулся и посмотрел на Финна. На его лице под слоем сажи проступало выражение, которое Финн видел нечасто — когда босс переставал играть в разведчика и начинал им быть.

Они вышли на улицу, где уже зажглись все рунные фонари, и голубоватый свет заливал мостовую, делая её похожей

на дно океана. Гномий квартал жил своей ночной жизнью — где-то вдали слышались голоса, звон кружек, смех. Но здесь, у дома Торина, было тихо, как в склепе.

Рекс остановился, глубоко вдохнул прохладный воздух и посмотрел на Финна.

— Знаешь, — сказал он, — этот старый гном знает больше, чем говорит. Он видел что-то. Или слышал. Но он боится. И это плохой знак.

— Какой же? — спросил Финн, хотя уже знал ответ.

— Если старый гном, который живёт здесь всю жизнь, боится говорить о пропавшем соседе, значит, тот, кто за этим стоит, очень силён. Или очень страшен. Или и то, и другое.

Финн держал руку на сумке, где лежали розовые копии чертежей, порошки для выявления магии, блокнот с записями и странное, тревожное чувство, что они только начали разматывать клубок, который может оказаться намного больше, чем они думали.

Рекс уже собрался уходить, когда в его голове что-то щёлкнуло. Он замер, нахмурился, потом его лицо, покрытое разводами сажи и серой трухой от краски, озарилось выражением, которое Финн научился распознавать как «сейчас босс вспомнит что-то и сделает глупость».

— Стой, — сказал Рекс, поворачиваясь обратно к двери. — Я кое-что вспомнил.

Финн, который уже спустился на две ступеньки и стоял, держась за перила, поднял голову и посмотрел на босса с по-

дозрением.

— Что именно, босс? — спросил он осторожно.

— В старой книге, — Рекс понизил голос до заговорщического шёпота, который в тишине лестничной клетки звучал громче обычного разговора, — которую я купил на рынке у того торговца с усами, было написано про древние гномьи обычаи.

Финн почувствовал, как у него внутри всё оборвалось. Он открыл рот, чтобы сказать что-то вроде «босс, не надо» или «это не та книга, которую стоит использовать как руководство к действию», но Рекс уже поднялся обратно к двери и с силой постучал в неё — на этот раз не официально-деловито, а как-то по-дружески, даже развязно.

— Откройте, — сказал он, и в его голосе зазвучали нотки, которые Финн называл «режимом обаяния». — Мы же не всё обсудили. У меня есть ещё пара вопросов.

За дверью снова слышалось шарканье, потом лязгнули засовы, и дверь приоткрылась. Старый гном выглянул наружу, и его лицо, и без того неподвижное, стало ещё более каменным, если это вообще было возможно.

— Я же сказал, — начал он, но Рекс перебил его, сделав шаг вперёд и расплываясь в улыбке, которая, по его замыслу, должна была растопить сердце любого, даже самого сурового гнома.

— Послушайте, — сказал Рекс, и его голос стал мягким, почти вкрадчивым, — я понимаю, вы не доверяете чужакам.

Но мы же не просто так пришли. У нас общее дело — найти Торина. А между теми, у кого общее дело, должны быть... — он сделал паузу, видимо, вспоминая следующую строчку из своей книги, — доверительные отношения.

Финн, стоявший на ступеньках ниже, уже начал тихо сползать вниз, надеясь, что если он станет меньше и незаметнее, то, возможно, его не втянут в то, что сейчас произойдёт. Он уже видел этот взгляд в глазах Рекса — искренняя вера в то, что старые свитки не могут врать.

Гном смотрел на Рекса с выражением, которое трудно было описать иначе, чем «каменное недоумение». Он явно не понимал, куда клонит этот странный человек в грязной куртке и с лицом трубочиста, который лезет к нему в дом с разговорами о доверии.

— Доверительные отношения, — повторил гном, и в его голосе прозвучало такое же недоумение, смешанное с лёгкой угрозой. — Ты пришёл в мой дом, ты задаёшь вопросы о моём соседе, ты лезешь в дела, которые тебя не касаются, и теперь говоришь о доверии?

— Именно, — сказал Рекс, и в его глазах загорелся «огонь самоуверенности». — Мы же друзья, правда? Давайте по-старому.

И он протянул руку к бороде гнома.

Финн, который всё это время надеялся, что каким-то чудом босс одумается, понял, что чуда не произойдёт. Рука Рекса, всё ещё покрытая серой трухой и остатками краски,

медленно, с той уверенностью, которая бывает только у людей, абсолютно не понимающих, что они делают, потянувшись к длинной седой косе, которая спускалась с подбородка гнома до самого пояса.

На лице старого гнома произошло то, что Финн видел только раз в жизни — когда в порту грузчик-тролль случайно наступил на хвост кошке гоблина-контрабандиста. Сначала гном побледнел. Не просто побледнел, а стал белее мела, белее того самого кварца, из которого Финн делал свой порошок для выявления магии. Его лицо, всегда такое неподвижное и каменное, вдруг стало серым, как зимнее небо над Эйвон-Сити. Потом, через секунду, которая показалась Финну вечностью, кровь прилила обратно — густая, тёмно-красная, заливая щёки, лоб, даже шею, делая старого гнома похожим на раскалённый металл.

— Ты... — прошипел гном, и его голос, сухой и размеренный, вдруг стал тонким, вибрирующим, как струна, которую натянули до предела. — Ты что творишь, человек?!

Рекс, который уже почти коснулся пальцами седых волос, замер. Его рука повисла в воздухе на расстоянии ладони от бороды, и он, наконец, увидел то, что должно было быть очевидно с самого начала: глаза гнома. Они горели. Не в переносном смысле — в них действительно вспыхнул тот самый огонь, который, по легендам, древние гномы выносили из кузниц, когда ковали свои первые руны.

— Это... это жест доверия, — пролепетал Рекс, и в его

голосе, впервые за всё время, прозвучало сомнение. — Я читал... в свитке...

— В свитке?! — рывкнул гном, и его голос прокатился по лестничной клетке, заставляя рунные лампы мигнуть. — Ты читал в свитке, что можно хватать чужую бороду?! Это смертельное оскорбление, человек! Смертельное!

Он рванулся вперёд, и его рука, до этого спокойно лежавшая на дверном косяке, метнулась к поясу, где висел молоток — не маленький молоточек, которым гномы забивают руны в стены, а настоящий боевой молот, с широким бойком и длинной рукоятью, украшенной рунами, которые Финн, к своему ужасу, опознал как боевые. Молоток, который до этого момента казался просто частью домашней одежды, вдруг обрёл свой истинный смысл.

Рекс отшатнулся. Он отшатнулся так резко, что споткнулся и едва не упал, успев схватиться за перила. Его лицо, и без того перепачканное, теперь выражало искренний, неподдельный ужас — тот самый, который бывает у человека, который только что понял, что его любимая книга солгала ему.

— Я не хотел... — начал он, но голос его сел, и слова превратились в невнятное бормотание.

Гном уже выхватил молот, и руны на его рукояти засветились зловещим оранжевым светом. В тесном пространстве лестничной клетки, где некуда было отступать, этот молот казался огромным, смертоносным, и Финн, который всё это время стоял на ступеньках ниже, вдруг понял, что если он

не вмешается сейчас, то через секунду им придётся объяснять капитану Хейлу, почему в гномьем квартале появился новый труп, и почему на этом трупе кожаная куртка и разводы сажи на лице.

— Простите! — выкрикнул Финн, выскакивая вперёд и вставая между Рексом и гномом. Его голос, обычно тихий и спокойный, вдруг обрёл силу, которая появлялась только в критические моменты. — Простите, пожалуйста! Он не хотел вас оскорбить! Он просто... он просто хотел спросить, где можно купить хороший рунный инструмент!

Гном замер. Молот, уже занесённый для удара, замер в воздухе, и оранжевое свечение на его рукояти начало медленно угасать. Старый гном перевёл взгляд с Рекса на Финна, и в его глазах, всё ещё горящих гневом, появилось что-то, похожее на недоумение.

— Рунный инструмент? — переспросил он, и в его голосе гнев начал смешиваться с удивлением. — Он хотел спросить про инструмент? Руками к моей бороде?

— Мой босс, — сказал Финн, и его голос стал спокойнее, хотя сердце всё ещё колотилось где-то в горле, — он из другого города. Он не знает наших обычаев. Совсем не знает. Он думал, что прикосновение к бороде — это знак уважения, а оказалось... ну, вы сами знаете.

Он замолчал, чувствуя, как его щёки заливают краска. Рекс стоял за его спиной, тяжело дыша, и Финн мог поклясться, что слышит, как стучит его сердце — или это было

его собственное.

Гном медленно, очень медленно опустил молоток. Руны на его рукояти, ещё секунду назад светившиеся зловещим оранжевым, гасли одна за другой, как угли в догорающем костре, и Финн видел, как пальцы старого гнома, сжимающие рукоять, расслабляются — неохотно, с явным усилием, как будто он всё ещё взвешивал, не нанести ли удар для остротки. Молоток опустился на пояс, щёлкнула застёжка, и Финн наконец позволил себе выдохнуть — тихо, чтобы никто не услышал, как дрожит его дыхание.

— Люди, — проворчал гном, и в его голосе не было уже той ярости, которая кипела минуту назад, а была только глубокая, вековая усталость, накопленная за десятилетия наблюдений за тем, как чужаки приходят в его квартал и нарушают его покой. — Вечно лезут не в своё дело. Вечно считают, что им всё можно. Вечно думают, что они всё знают по каким-то там книжкам.

Он покачал головой, и его длинная седая коса качнулась в такт, ударившись о косяк с глухим, тяжёлым звуком, похожим на удар молота по наковальне. Финн стоял, не двигаясь, чувствуя, как колени всё ещё подрагивают, и старался дышать ровно, чтобы не выдать своего состояния. Рекс за его спиной тоже молчал — Финн даже не слышал его дыхания, что было необычно для человека, который обычно шумел, даже когда просто стоял на месте.

Гном посмотрел на них обоих, потом перевёл взгляд на дверь, за которой слышались шаги — видимо, в доме кто-то был, и этот кто-то тоже ждал, чем закончится этот странный разговор на пороге. Гном вздохнул, и в этом вздохе было столько смирения, сколько бывает у людей, которые привыкли, что мир вокруг них меняется, и меняется не в лучшую сторону.

— Ладно, — сказал он, и его голос стал чуть мягче, хотя всё ещё звучал сухо, как треск старого дерева в камине. — Если вы действительно хотите найти Торина, и если вы не собираетесь больше хватать всех за бороды... — он бросил быстрый взгляд на Рекса, и в этом взгляде мелькнуло что-то, похожее на насмешку, — то есть одно место. Таверна «Руна и Кружка». Там собираются инженеры. И те, кто работает с рунами. И те, кто что-то знает.

Финн, который всё это время стоял, затаив дыхание, наконец почувствовал, как напряжение начинает отпускать. Он сделал шаг вперёд, стараясь не смотреть на молоток, который всё ещё висел на поясе гнома, и спросил:

— А где находится эта таверна? Мы не очень хорошо знаем квартал.

Гном посмотрел на него, и в его глазах мелькнуло что-то, похожее на одобрение — возможно, потому, что Финн говорил тихо, не размахивал руками и не пытался ни к чему прикоснуться.

— Идите прямо по этой улице, — сказал он, указывая в

сторону, где в голубоватом свете рунных фонарей виднелась арка, ведущая в старинную часть квартала. — Дойдёте до старого колодца, повернёте налево. Увидите вывеску с кружкой и руной. Не ошибётесь.

Он помолчал, и его лицо, всё ещё суровое, стало чуть задумчивее.

— Скажешь там, что ты от меня, — добавил он, и его голос стал чуть тише, как будто он говорил не для всех, а только для Финна. — Скажешь, что старый Глимн велел передать. Тебя пустят. И инженеры будут говорить.

Финн кивнул, уже открывая рот, чтобы поблагодарить, но гном поднял руку, останавливая его, и перевёл взгляд на Рекса, который всё это время стоял за спиной Финна, бледный и притихший, как нашкодивший школьник.

— Но этот, — сказал гном, и его голос снова стал твёрдым, почти жёстким, — пусть держит руки при себе. В таверне сидят инженеры, а не моя старая добрая тёща. Если он ещё раз потянет руки к чужой бороде, его вынесут оттуда ногами вперёд. И я за него не поручусь.

Рекс, который до этого момента стоял молча, видимо, пытаясь стать как можно незаметнее, сделал шаг вперёд. На лице Рекса, покрытом разводами сажи, появилось выражение, которое Финн называл «режимом оправдания» — смесь искреннего раскаяния и желания объяснить, что всё было не так, как выглядело.

— Я просто хотел установить доверительные отношения,

— сказал Рекс, и его голос звучал так жалобно, что Финн на мгновение почувствовал что-то, похожее на жалость. — В старых свитках было написано, что прикосновение к бороде — это знак уважения. Я не знал, что это...

— Что это объявление войны, — закончил за него гном, и в его голосе прозвучала усталая усмешка. — В старых свитках, говоришь? — Он покачал головой, и его коса снова качнулась, ударившись о косяк. — Старые свитки пишут старые гномы для своих внуков. Не для чужаков, которые приходят в чужой дом и лезут к чужой бороде.

Он посмотрел на Рекса долгим, тяжёлым взглядом, и Финн увидел, как его босс, который никогда не признавал своих ошибок, сейчас выглядит так, будто готов провалиться сквозь землю.

— Запомни, человек, — сказал гном, и его голос стал тише, но от этого не менее твёрдым. — Уважение не в том, чтобы хватать чужую бороду. Уважение в том, чтобы спрашивать, прежде чем что-то делать. В том, чтобы узнать обычаи, прежде чем лезть в чужой дом. В том, чтобы слушать, когда тебе говорят, что ты не прав. — Он помолчал, и его лицо смягчилось совсем чуть-чуть. — Ты понял?

— Понял, — сказал Рекс, и в его голосе не было обычной самоуверенности, только искреннее, почти детское сожаление. — Больше никогда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.